

МОНАСТЫРЬ
С. КОЛУМБА,
или
РЫЦАРЬ
КРАСНАГО ОРУЖІЯ.

Сочиненіе Радклифъ.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА, 1816.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

Печаташь дозволяется съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Марта 27го дня 1816 года. П. О. Профессоръ Василій Котельницкій.

МОНАСТЫРЬ

С. КОЛУМБА.

ГЛАВА I.

Авинцо, наслаждаясь пріятными мечпами, вкушадъ въ продолженіи нѣкотораго времени сладкой сонъ; но чаша радости скоро осушается и воспорги ея крапковременны. Вдругъ за сценами щастія и восхищенія слѣдуютъ препенъ и ужасъ. Страшное сновидѣніе испоргло его изъ объятій пріятнаго сна.

Открывши глаза, онъ думалъ, что видитъ подлѣ себя привидѣніе въ монашескомъ плащѣ съ капишономъ, опущеннымъ на глаза. Пора-

женный симъ непредвидимымъ явленіемъ, Губерто вскочили съ доспехи. По высокому росту привидѣнія почель онъ его сперва за Джона Думбара, но разсмотрѣвши увидѣль, что ошибается. Губерто поспѣшь спросилъ его, кто онъ таковъ и какія причины заставили его придти къ нему въ такое необычайное время?

Привидѣніе отвѣчало:
убійство и измена!

Слова сіи, произнесенныя гробовымъ голосомъ, поразили Авинцу и напомнили ему о монахѣ, сказавшемъ тѣ же слова въ церкви. Тогда онъ не сомнѣвался болѣе, что самый сей монахъ стоялъ передъ нимъ.

„Что тебѣ надобно?“
отвѣчалъ Губерто.

Незнакомецъ оборотился къ двери комнаты и сдѣлалъ

знакъ Губерту слѣдовать за собою. Губерто, схвативъ свой мечъ, далъ ему знакъ, что готовъ за нимъ слѣдовать. Тогда монахъ взялъ лампаду, копорую пославилъ на споль, и вышелъ съ предосторожностію въ корридоръ; а Авинцо, вооруженный мечемъ, шелъ за нимъ въ молчаніи. Сошедши въ галлерейю пѣми же пощаенными лѣспницами, копорыя Авинцо замѣпилъ наканунѣ, прибыли они къ маленькой рѣшешкѣ, копорую Губерто замѣчалъ уже нѣсколь-ко разъ и видѣлъ сквозь нее первыя ступени лѣспницы, скрывавшіяся въ темнотѣ.

Дошедши до сего мѣста, монахъ останоуился и подалъ лампаду Губерту: „смотри!“ сказалъ онъ ему мрачнымъ голосомъ. Попомъ, переципавъ указательнымъ пальцомъ семь желѣзныхъ полось, ухвативъ

Сильно седьмую, попрыска и вырвалъ ее. Потомъ опперъ ею засовы огромнаго замка, находившіеся на другой споронѣ рѣшетки и входившіе глубоко въ песаной камень. Тогда рѣшетка опперлась со скрыпомъ и глухимъ ревомъ, раздавшимся по обширнымъ подземельямъ, копорыхъ входъ она закрывала.

Авинцо замѣчалъ со вниманіемъ поступки таинственнаго своего проводника. Монахъ заперъ опять рѣшетку, задвинулъ засовы въ спиѣну и, закрывая всегда лице, взялъ опять лампаду и сошелъ съ каменной лѣспницы, приведшей ихъ въ самомъ дѣлѣ въ обширное мрачное подземелье.

Изъ сего подземелья вошли они въ другое, наполненное сырымъ и зараженнымъ воздухомъ, потомъ въ прѣпіе, назначенное для погре-

бенія монаховъ обитали. Тамъ Губерто увидѣлъ по правую и лѣвую руку открытые гробы, въ коихъ находились тѣла монаховъ въ монашескихъ одѣянiяхъ. Посреди ихъ было порожнее мѣсто для прохода посѣщавшихъ горестныя сіи останки. Зрѣлище сіе произвело легкую дрожь въ Губерто, которой, не смотря на то, чувствовалъ живѣйшее нетерпѣніе разпросить молчаливаго своего проводника.

Они продолжали свой путь и пришли наконецъ въ малое подземелье, украшенное скульптурою. Вырѣзанная на каменномъ полу изображенiя показывали, что это было кладбище Аббатовъ монастыря Святаго Колумба.

Проводникъ Авинца шелъ не останавливаясь къ большому каменному олтарю, на-

ходившемуся у спи́ны подземелья, на копоромъ стояло большое Распятіе изъ чернаго дерева; онъ подошелъ къ одной сторонѣ, допронулся рукою. Тогда Губерто съ удивленіемъ увидѣлъ, что искусно сдѣланныя панели, непримѣшныя до сихъ поръ, отворились. Онъ сошелъ съ своимъ проводникомъ подъ длинной и узкой сводъ и услышалъ, что онъ опиралъ два большіе запора. Дверь отворилась, и юнша увидѣлъ себя съ изумленіемъ внѣ ограды монастыря во внутренности лѣса, чрезъ который онъ, поварищи его и Король Робертъ Брюсъ съ трудомъ могли сыскать дорогу къ монастырю Оронцскому, по прибытіи ихъ на сей островъ.

Послѣ сего монахъ оспанивился и все молчалъ.

„Почтенный человек, сказалъ ему Авинцо; изъясни-
те мнѣ таинственный сей
поступокъ.“

— Убийство и измена!
опѣчалъ незнакомецъ торже-
ственнымъ голосомъ. —

„Но какъ предохранить
друзей отъ опасности, имъ
угрожающей?“ возразилъ Гу-
берто.

— Убѣжавъ съ ними, оп-
вѣчалъ монахъ. —

„Да наградишь тебя Не-
бо, благодѣтельный человекъ!“
сказалъ Авинцо, пронумый
благодарностию.

— Слушай, сказалъ не-
знакомецъ, завтра ввечеру
пойдешь ты по тѣмъ доро-
гамъ, по которымъ я велъ
тебя сюда. Изъ сего прохода
выдешь въ лѣсъ, находящій-
ся противъ насъ. Если ты
пойдешь влѣво, то скоро
увидишь море. Недалеко отъ

берега есть много рыбацких хижинъ ; въ нихъ найдешь легко барку для опѣзда изъ сего острова. Въ слѣдующую ночь , когда всѣ наши опцы будутъ присупствоватъ на службѣ , собери всѣхъ своихъ друзей и бѣги поспѣшно съ ними , или спрашисъ ужасныхъ несчастій какъ для себя , такъ и для нихъ. —

„ Ангель - хранитель ! я буду повиновашься , “ опвѣчалъ Губерто , наклонивъ съ почтеніемъ голову.

Монахъ возвратился потомъ съ Губертомъ подъ сводъ , заперъ опять дверь , задвинулъ запоры . Они прошли опять подъ олпаремъ и вышли въ подземелья , назначенныя для кладбища обитали.

Монахъ , все закрывавшій свое лице , оборотился

къ Губерту и сказала ему, показывая на панели:

„Вопь недостойная хипрось, съ помощію копторой свяпошапцы упопреляють во зло почпеніе, должное Божеству, и обманываютъ легко непросвѣщенный народъ. Не безъ опасности открылъ я сіи ужасныя пайны. Но за чѣмъ объявлять шебѣ о беззаконіяхъ, исполняемыхъ въ сихъ мѣстахъ? О! за чѣмъ я зашелъ въ преступную сію ограду? за чѣмъ священная клятва удерживаетъ меня въ ней? Но ты, сынъ мой! наблюдай со вниманіемъ за своими поступками; осперегайся особенно Гондеца и наперсника его, Джона де Думбара. Скажи друзьямъ, чптобъ они были крайне осторожны; надѣюсь, что они здѣсь недолго останутся; но малѣйшее по-

дозрѣніе погубитъ васъ всѣхъ, такъ что ни я и никто на свѣтѣ не будетъ въ состояніи вамъ помочь.“

Говоря такимъ образомъ, прибыли они къ двери, ведущей къ галлерей. Монахъ, отворивъ рѣшетку такимъ же способомъ, какъ и въ первый разъ, повушилъ лампаду и сказалъ Губерну порожественнымъ голосомъ: прощай! Потомъ онъ скрылся, не захотѣвъ слушать просьбъ молодого человѣка, который его заклиналъ открыть свое лицо и сказать имя свое.

Первымъ движеніемъ Авицца, когда онъ возвратился въ свою келью, было благодарить Бога и молить Его за великодушнаго незнакомца, доставившаго ему средство испоргнуть Короля и храбрыхъ его поварницей естели не отъ неизбѣжной

смерти, по крайней мѣрѣ
 быть ужасной неволи. Между
 тѣмъ, посреди своей радо-
 сти, не могъ онъ не чув-
 ствоватъ гореспныхъ сожа-
 лѣній: освобождая своихъ дру-
 зей, онъ оставяетъ мона-
 шырѣ и можетъ быть на-
 всегда. Образъ прекрасной не-
 знакомки представлялся его
 воображенію со всѣми преле-
 стями. Не уже ли должно о-
 ставитъ ее навсегда, оста-
 вить заключенною въ горе-
 спныхъ сихъ спѣнахъ въ до-
 бычу звѣрской ярости и мо-
 жетъ быть жестокоши ужас-
 наго Гондеца? При сей мыс-
 ли выпустилъ онъ глубокіе
 вздохи и продилъ нѣсколько
 слезъ, но размышленіе успо-
 коило его. Обнаруженная
 шайца пошпенныхъ выходовъ
 изъ монастыря подавала ему
 средство войти въ него, ко-
 гда ему захочется. Педзе-

мелья, ведущія къ симъ проходамъ, посѣщали только при похоронахъ Наспоятели обитали. И такъ дверь, ведущая въ дѣсь, не будетъ заперта снутри и доставитъ ему всегда свободный доступъ во внутренность монастыря.

Упоенный радостію и надеждою, Губерно уснулъ крѣпко и проснулся на разсвѣтъ. Онъ тотчасъ пошелъ къ товарищамъ въ трапезу. Послѣ завтрака, въ продолженіи котораго царствовали съ той и съ другой стороны безмолвіе и недовѣрчивость, Король съ рыцарями пошелъ въ садъ. Тамъ сказалъ онъ имъ, что не можетъ сносить долѣ жестокой неизвѣстности о своей судьбѣ; что впрочемъ дальнѣйшее умедленіе разрушитъ непременно его партію въ Шопе

ландіи; что въ слѣдствіе того рѣшился онъ просить аудіенціи у Настоятеля Гондеца, чтобы получить позволеніе выѣхать изъ острова.

„Еслили Эпопъ монахъ, котораго поведеніе я не могу изъяснить, продолжалъ Государь; не захочешь подъ какимъ-нибудь предлогомъ насъ опустить, то я объявлю ему истинное свое званіе и постараюсь убѣдить его значными обѣщаніями.“

Король пересталъ говорить; но всѣ молчали. Никто не смѣлъ подать совѣта въ неизвѣстности и подозрѣніи, въ которое ихъ повергало таинственное поведеніе отца Аббата. Наконецъ Губерто попросилъ Монарха и его товарищей выслушать себя и привелъ ихъ всѣхъ въ удивленіе, сказавши, что нашелъ пощаенный вы-

ходь, посредствомъ конюрага въ самой эпошъ вечерь выйдешъ онъ изъ монастыря и приготоуишь все къ побѣгу. Онъ увѣдомилъ ихъ, что въ будущую ночь достанешъ барку, и совѣшоваль приготоуишься къ сему времени къ опѣвду.

Нещасный Монархъ, восхищенный удивленіемъ и радосію, сжалъ Губерпо въ своихъ объятіяхъ и вскричалъ: „Удивительный юноша! по истиннѣ ты Ангель-хранитель своего Короля. Да подасъ мнѣ Небо средства доказать тебѣ когда-нибудь мою благодарность! Друзья! продолжалъ онъ, оборотясь къ рыцарямъ, раздѣлявшимъ его воспорги, еспьли вы хопите истинно показатъ вашему Королю свою привязанность, то любите Авинцо, какъ я люблю его, и не забы-

вайше никогда важной услуги, которую онъ намъ теперь оказываетъ.“

Одно благоразуміе воспрепятствовало Авинцу повергнуться къ ногамъ Короля. Смущеніе и радость, причиненныя такими благородными свидѣтельствами почтенія его Государя, опияли у него почти возможность благодарить его. Когда прошло первое смущеніе, то Губерто, котораго совѣты сдѣлались оракуломъ, просилъ своихъ друзей изъяслять болѣе веселости и спокойствія, нежели показывали они доселѣ, и притвориться, будто имъ нравились жизнь въ монастырѣ. Король далъ Губерту значное количество денегъ на нужныя издержки и приготовленія къ побѣгу; потомъ держалъ совѣтъ съ своимъ брапомъ, Лордомъ Валперомъ,

Часть II. Б

Графомъ Муррайскимъ и Лордомъ Дугласомъ, подошелъ черезъ нѣсколько минутъ къ Авинцу и началъ говорить ему слѣдующее :

„Мы знаемъ, храбрый и благоразумный юноша, спрланную твою судьбу и знаемъ, что ты родился не въ Шотландіи. Не смотря на то, по совѣту и милосердивому согласію благородныхъ сихъ людей, я даю тебѣ титулъ доспѣйнаго и вѣрнаго рыцаря и дѣлаю тебя Лордомъ сихъ острововъ, мнѣ принадлежащихъ.“

Губершо спалъ на коленіи передъ Королемъ, который, положа мечъ свой на его плечо, сказалъ слѣдующее :

„Посвящаю тебя въ рыцари и хочу, чтобъ ты впредь назывался Сирь Губершомъ Авинцо, Лордомъ Веспернскихъ острововъ.“

Когда кончилась эта церемонія, то Король снялъ съ своей руки золотое запястье и надѣлъ его на руку Губерта, сказавши :

„Носи его, благородный Лордъ, въ залогъ нашей дружбы. Ты примешь девизомъ сіи слова :

НАДЕЖДА и ВѢРНОСТЬ,

и напишешь ихъ золотыми буквами на своемъ щипцѣ.“

Рыцари поздравляли потомъ Губерта и непосредственно послѣ того разошлись, чѣмъ не подавъ подозрѣнія, оставаясь вмѣстѣ. День прошелъ по обыкновенному, и всѣ старались сообразовать свое поведеніе съ наставленіями Авинцо.

Ввечеру оказывали они болѣе неселости и удовольствія за ужиномъ, остерегаясь

однакожь дѣлать или говоришь такое, что могло бы возбудишь подозрѣніе ихъ шпионовъ. Потомъ они разошлись, пожелавъ взаимно другъ другу пріятнаго и спокойнаго сна.

Губерпо, единственно занимаясь своимъ предпріятіемъ, дожидался съ неопи-саннымъ нетерпѣніемъ, когда колоколь собереть братію въ церковь. Наконецъ звонкіе удары его прервали величественное безмолвіе ночи и увѣдомили, что настало благопріятное время для его предпріятія.

Онъ вспаль поспѣшно, вышелъ изъ своей кельи и пробрался благополучно въ галлерей, освѣщаемыя блѣдыми лучами сребристой луны. Сшедши со ступеней, посмошрѣлъ онъ вкругъ себя, но ничего не видѣлъ. Тогда

приблизился онъ къ рѣшеткѣ, ведущей въ подземелье, поставилъ лампаду на землю, вынулъ седьмую полосу, отодвинулъ ею огромные завоуы и остановился на минушу, чтобы запереть рѣшетку. Потомъ смѣло сошелъ съ лѣстницы, прошелъ подземелье и мимо кладныхъ оспашковъ монаховъ; послѣ, приспустивши къ олтарю послѣдняго подземелья, отодвинулъ деревянные панели и скоро вышелъ за монастырскія стѣны.

Чтобы дойти до лѣса, по опушкѣ копорато велѣлъ ему идти незнакомецъ, прошелъ онъ подъ окнами церкви и слышалъ ясно пѣнія монаховъ, которыя уносили по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся. Скоро достигъ онъ до бѣдныхъ хижинъ, о которыхъ проводникъ говорилъ ему въ прошедшую ночь.

Авинцо подошелъ къ одной хижинѣ, долго спучался и наконецъ разбудилъ жителей ея, состоявшихъ въ одномъ бѣдномъ рыбацкѣ, женѣ его и трехъ малолѣпныхъ дѣтлахъ. Чтобъ удалить подозрѣніе, разказалъ онъ имъ напередъ выдуманную испорію и объявилъ причину, приведшую его къ нимъ. Рыбакъ обѣщался дожидаться его въ слѣдующую ночь на берегу съ баркою въ назначенномъ часу и мѣспѣ. Губерто далъ ему въ задапокъ значную сумму денегъ и, чтобъ бытъ увѣрену въ его скромности, подалъ надежду еще на большую награду. Рыбакъ въ восхищеніи и радости пропивилъ всѣми силами тому, чтобъ они не нанимали другаго изъ его поварищей, боясь, что будетъ принужденъ раздѣлить съ нимъ награду, и клялся, что

въ состояніи одинъ и безъ опасности вести барку въ означенное мѣсто. Расположивши все самымъ выгоднымъ образомъ, Губерто разпрощался съ семействомъ, возвратился по той же дорогѣ и прибылъ благополучно въ келью. Тамъ, упавши передъ Распятіемъ, возблагодарилъ съ жаромъ Небо и предался сладостнымъ надеждамъ на будущее, занимаясь безпрестанно мыслию о прекрасной незнакомкѣ.

Г Л А В А II.

Послѣ завтрака Государь и спутники его, желая не терпѣливо узнать объ успѣхѣ Губертовыхъ поисковъ, пошчасъ пошли въ монастырскій садъ. Авинцо скоро явился къ нимъ и подробнымъ повѣ-

ствованіемъ объ открытіяхъ своихъ въ прошлую ночь разсѣялъ ихъ безпокойствіе и исполнилъ надеждою.

Въ продолженіи дня спарались они не бысть вмѣстѣ и каждый порознь прогуливался. Губерто, удалясь въ уединенную аллею, мечталъ о таинственной красавицѣ, которой сердце его съ минуты свиданія съ нею навсегда было предано. Но также и другая мысль занимала его душу. Будучи исполненъ признательности къ тому, который принималъ такое живое участіе въ спасеніи Короля и друзей его, разсма-тривалъ онъ со вниманіемъ, во время обѣда, лица всѣхъ монаховъ. Но сходство одѣянія ихъ сдѣлало безполезными его старанія. Взоры его невольно оспанавливались нѣсколько разъ на отца Аншо-

нѣ, на котораго смотрѣлъ онъ такъ пристально во время обѣды; но сколько ни вопрошала его взглядами и не усилывала ихъ на него со вниманіемъ, сей не показывалъ ни глазами, ни лицемъ нѣмалѣйшаго признака, могущаго подтвердить догадку Губерша.

Послѣ ужина онъ и друзья его опочли въ спорону и согласились между собою собраться въ полночь въ келью Губерша. Съ сей минутой предались они живѣйшему нетерпѣнію, и время для всѣхъ текло весьма медленно, кромѣ Авицца, который вздыхалъ при мысли, что сію самую ночь оставивъ предметъ всѣхъ своихъ желаній, милую незнакомку.

Въ монастырѣ все было тихо и часы пробили полночь. Рыцари собрались съ оспорож-

ностию всё въ мѣсто, для свиданія назначенное. Звукъ колокола раздался, и монахи начали церковное пѣнiе. Авинцо взялъ лампаду, сдѣлалъ знакъ Королю и друзьямъ своимъ слѣдовать за нимъ, вышелъ попихоньку изъ кельи и спустился въ молчанiи съ попаенной лѣспиницы. Сошедши внизъ, отдалъ онъ лампаду Лорду Валшеру, пошелъ одинъ подъ мрачныя аркады галлерей, посмотрѣлъ внимательнo около себя, легъ на землю и шипящельно прислушивался. Не примѣчая и не слыша ничего, чтобы могло его остановить, далъ онъ знакъ спутникамъ слѣдовать за собою и пошелъ съ ними далѣе въ галлерей.

Свѣщило ночи изливало слабый свѣтъ сквозь облака, не сшiяся величественно на горизонтѣ. Авинцо вынулъ засовы и

опперъ медленно желѣзную рѣшетку, кою которой глухой скрипъ раздавался подъ сводами мрачнаго подземелья. Монархъ и рыцари потчасъ пересступили черезъ порогъ. Губерто хопѣлъ идни за ними, но незнакомецъ, вышедши изъ-за столба галлерей, спалъ передъ нимъ. Сердца бѣглецовъ запрепешали опъ страха. Незнакомецъ взялъ Авиццо за руку, съ горячностію сжалъ ее въ своихъ рукахъ и сказала ему: „глаголай, Сиръ Эдренъ! Богъ да сопутствуетъ тебѣ (по приказанію Короля Губерто принялъ имя Сира Эдрена)!“ При сихъ словахъ Губерто узналъ гласъ проводника и спасишеля своего; уста его опверзлись для проясненія благодарности и благословеній; но онъ уже сокрылся.

Авинцо зашворилъ опять рѣшетку, задвинулъ засовы и, взявъ лампаду изъ рукъ Лорда Валпера, пошелъ съ поварами своими черезъ подземелья; попомъ провелъ ихъ за панели, сошелъ съ ними подъ олшаремъ и черезъ минуту вывелъ ихъ подъ ясное небо и возвратилъ имъ свободу.

Подъ предводительствомъ Губерта уже достигли они лѣса, какъ вдругъ послышался имъ вдали стукъ идущихъ людей. Они спрятались въ кустахъ и вскорѣ увидѣли, что толпа вооруженныхъ людей входитъ въ монастырь въ главныя ворота.

„Намъ измѣнники!“ вскричалъ Король Робертъ Брюсъ; „по вооруженію сихъ солдатъ вижу я, что они на жаловань Англинскаго Короля.

Поспѣшимъ , или мы погибнемъ.“

Бѣгущіе удвоили шаги свои, и нашли на берегу ожидающаго ихъ рыбака. Они тотчасъ сѣли въ барку и на такомъ слабомъ суднѣ предались на произволь вѣтровъ и волнъ.

Король вспунилъ съ рыбакомъ въ разговоръ и узналъ оцъ него, что при наспу- пленіи но и прибылъ въ Оронцу большой корабль съ военными людьми въ маленькую пристань, находящуюся въ одной милѣ оцъ его хижины, и что это весьма его удивило, потому что оспровъ былъ такъ не великъ, шакъ мало посѣщаемъ и шакъ далеко оспоялъ оцъ театра войны, что на немъ почти и не знали объ ужасныхъ опустошеніяхъ, произведенныхъ

въ Шотландіи Англинскими войсками.

Въперъ и море были благопріятны. Распущенный парусъ барки мчалъ ее быстро по волнамъ, и на другой день на разсвѣтѣ примѣшны были только огромные утесы, окружающіе Оронцу, которыхъ голубоватый цвѣтъ смѣшивался съ блистательною багряностію восходящей зари. Спранники, смотря на сей пагубный островъ, спрашивались еще, чтобы бѣгство ихъ не было слишкомъ скоро открыто и чтобы не отправили за ними въ погоню. Однако никакой непріятельской корабль не показывался на обширномъ океанѣ, и черезъ нѣсколько часовъ Монархъ и друзья его вышли благополучно на берегъ острова Юры.

Наградивши щедро рыбака, тотчасъ они доспали до

шадей, переѣхали черезъ узкій островъ Юру, сѣли снова на корабль, переплыли на немъ проходъ, называющійся тѣмъ же именемъ, и достигли наконецъ желанныхъ береговъ Шотландіи.

Король Робертъ Брюсъ шѣтчасъ объявилъ о себѣ и послалъ брата своего, Сиря Эдуарда, Рандольфа, Графа Муррайскаго и Лорда Валпера въ разныя стороны, чтобы собрать своихъ партизановъ и объявить имъ его повелѣнія.

Слухъ о прибытіи Государя произвелъ всеобщую радость. Послѣ Мейвенскаго пораженія тысячи разныхъ ложныхъ извѣстій разпространились по Шотландіи: то увѣряли, что Король оспался на мѣстѣ сраженія, то говорили, что онъ попался въ руки ожесточеннаго

непріятеля, Короля Эдуарда. Сей послѣдній, узнавъ объ отсутствіи Роберта Брюса, спарался обратишь оное въ свою пользу, разсѣвая самыя непріятныя слухи, будучи увѣренъ, что симъ средствомъ ослабитъ твердость Шотландцевъ и удобнѣе покоритъ ихъ. И въ самомъ дѣлѣ скрытіе Короля Роберта Брюса и мнимая смерть его привели въ такое уныніе ревностныхъ его защитниковъ, что большая часть прошивуполагала побѣдительно только слабое сопротивление.

Но еслили отсутствіе Государя поразило Шотландцевъ, то возвращеніе его усугубило ихъ мужество и непоколебимость защищать его и опечество. Во всѣхъ частяхъ Шотландіи раздались громкіе крики: „война и мще-

nie! “ Безчисленное множество народа оповсюду стекалось; сильные и воинственные юноши собирались на поляхъ; жены внушали мужьямъ рвеніе къ славѣ; матери побуждали сыновьевъ вооружаться на защиту опечесна и обожаемаго Государя.

Оповсюду, гдѣ проѣзжалъ Король Робертъ, крики радости и мщенія извѣщали о его приближеніи. Подъ него находилъ Губерно Авинцо, знаменитыя услуги коего Монархъ обнародовалъ всему Государству, и раздѣлялъ съ обожаемымъ Государемъ своимъ народныя восклицанія. Вся нація была одушевленною и все заставляло думать, что довольно одного присутствія любимаго Монарха для удержанія подъ его знаменами побѣды, коль скоро подастъ онъ знакъ къ сраженію.

Между тѣмъ Король безпреспанно занимался управленіемъ своего Государства и спѣшилъ собирать войска, которыя со всѣхъ сторонъ спекались подъ его знамена для опраженія нашествія Англичанъ. Уже произошло много сшибокъ подъ начальствомъ Лорда Дугласа, Сирь Эдуарда и Губерта, и всегда Шотландскія войска были въ выигрышѣ. Многочисленныя арміи, подобно двумъ громовымъ тучамъ, спояли въ виду одна противъ другой, ожидая сигнала къ генеральному сраженію и ежедневно безыкоя себя сшибками передовыхъ посповъ.

Король Робертъ, зная, что рѣшительное сраженіе или утвердитъ его на престолѣ, или свергнетъ безвозвратно съ онаго, рѣшился избѣгать невѣстности

его послѣдствій. Въ военномъ совѣтѣ сдѣлалъ онъ планъ походу, который, умѣряя жаръ его войска и содержа его всегда въ готовности, давалъ ему время собрать всѣ свои силы, обучить войско и привести его въ успройство, пока наступитъ благопріятный случай измѣрить силы свои съ Эдуардовыми.

Сей послѣдній, раздраженный сопротивленіемъ пѣхъ коихъ называлъ онъ мяшежниками, и предвидя опасности дальнѣйшаго замедленія, поклялся, въ ярости своей, истребить непріятеля, ему ненавистнаго. Онъ послалъ повелѣніе войскамъ, находившимся во Франціи, идти въ Англію и соединиться съ нимъ на границахъ Шотландіи; поѣхалъ въ Лондонъ, собралъ остав-

денныя имъ шамъ войска и обнародовалъ указъ, копорымъ позволялъ грабежъ желающимъ добровольно следовать за нимъ въ семь походъ. Гнусныя сіи мѣры произвели ожидаемое имъ дѣйствіе. Множество людей собралось подъ его знамена: однихъ вело желаніе грабить, другихъ народная ненависть и жажда къ мщенію.

Уже Эдуардъ приближался съ отважнымъ симъ войскомъ, увѣривъ оное скорою и легкою побѣдою; но невидимая десница Всемогущаго поспѣшила остановить сей гибельный попокъ въ его печеніи. Небо, казалось, хотѣло устрашить людей наказаніемъ мстительнаго и кровожаднаго Короля. Сильная и жестокая болѣзнь сразила его внезапно въ шу минушу, какъ онъ спустилъ на землю, ко-

порую хотѣлъ предать на разхищеніе и обагришь кровію.

Увеличивающаяся ежеминутно болѣзнь его привела войско въ уныніе ; оно раздѣлилось на части , и вскорѣ честолюбивый Эдуардъ увидѣлъ предпріятія свои разрушенными . Смерть , и самая жестокая , прекратила дни его и спасла Шотландію отъ неминуемой гибели .

Шотландцы , освободясь отъ страха смертію сего пиранна , опомнились за прошедшія свои бѣдствія гонителямъ своимъ и вскорѣ опять овладѣли потерянными крѣпостями . Король Робертъ , пользуясь неопытностію и неспособностію Короля Эдуарда II , наследника страшнаго Эдуарда , утвердилъ на главѣ своей Шотландскую корону и въ ско-

ромъ времени вознаградила пошери и бѣдствія своего опечества.

Хотя миръ былъ уже недалеко, но много еще надлежало прежде кончить дѣль. Король нѣсколько разъ имѣлъ намѣреніе призвать въ Эдмбургъ А б б а т а монастыря Святаго Колумба для опечета въ его поспуикахъ; но до сихъ поръ важнѣйшія дѣла препятствовали ему въ томъ и принуждали опложить наказаніе сею измѣнника до удобнѣйшаго времени.

Лордъ Губерто Авинцо, тревожимый непрестанно безпокойными воспоминаніями и видя, что опасности Короля миновались, почувствовалъ живѣйшее желаніе привести въ исполненіе давно имъ принятое намѣреніе. Онъ рѣшился возвратиться въ Оронцу, посѣтитъ еще

разъ монастырь и освободилъ прекрасную пльнищу, найденную имъ въ ономъ. Губерно объявилъ о намѣреніи своемъ Королю, который съ сожалѣніемъ согласился на его просьбу и заклиналъ возвратиться какъ можно скорѣе. До отъѣзда своего изъ Эдинбурга Авинцо, въ присутствіи всего Двора и всѣхъ Шотландскихъ вельможъ, снова привалъ шишуль, которымъ Король пожаловалъ его во время пребыванія въ Оронцъ: Король присвокупилъ къ тому жалованье, соразмѣрное услугамъ, оказаннымъ Авинцомъ Государю и отечеству, и предоставилъ пользоваться онымъ ему и потомкамъ его.

Авинцо, исполненный благодарности, обѣщалъ Королю скоро возвратиться, простился съ своими друзь-

ями и товарищами оружія и поспѣшь сдѣлать приготовленія къ отъѣзду на островъ Оронцу.

На другой день по утру, едва утреннее рѣдкое свѣтъ возвѣстило восхожденіе Авроры, Губерпо на бодромъ конѣ, въ соупствіи двухъ вѣрныхъ служителей, выѣхалъ изъ Эдимбурга на дорогу къ Вестернскимъ островамъ.

Г Л А В А III.

Оставимъ Губерпо на дорогѣ и возвратимся къ нѣкоторымъ обстоятельствомъ, предшествовавшимъ его отъѣзду, которыхъ быспрота происшествіи не позволяла намъ разсказать.

Смерть честолюбиваго Эдуарда, разбитіе Англинской арміи и совершенное изъ-

тнаніе оной изъ Шотландской земли, освободивъ Короля Роберта Брюса отъ всякаго безпокойства, позволили наконецъ Шотландцамъ дышатьъ свободнѣе и дали оподохновеніе защитникамъ сего Государства. Губерно воспользовался симъ свободнымъ временемъ и вошелъ во владѣніе наслѣдства, оставленнаго ему Сирь Алланомъ Макдональдомъ и его супругою. Блистательныя заслуги его, почщеніе и уваженіе, коими пользовался онъ при Государѣ, и главнѣйшихъ особъ націи были столь неоспоримые знаки, что Авинцо не имѣлъ надобности предъ-являть дарственную запись на наслѣдство, данную ему предъ смертію своею супругою Сирь Аллана, хотя былъ онъ и не уроженецъ Шотландіи и не родственникъ Сирь Ал-

лана. Владѣнія, составлявшія сіе наслѣдство, не смотря на бѣдствія войны и опустошенія Англичанъ, приносили значительный доходъ, который вмѣстѣ съ благодареніями Короля дѣлалъ судьбу Губернову независимою и давалъ ему блистательное мѣсто при Дворѣ. И такъ сей бѣдный, неизвѣстный и почти брошенный сирота, послѣ многихъ перевороповъ, достигъ храброспю своею и достоинствами до мѣста, которое природа и рожденіе его, кажется, для него назначили. Авиццо, не будучи ослѣпленъ сими новыми дарами щастія, не преставаелъ благодарить Бога, за изліяніе щедротъ Его, и благословлялъ Сиръ Аллана Макдональда, достойнаго своего покровителя. Особливо воспоминалъ онъ съ нѣжноспю о

почтенномъ Алзарро, бывшемъ ему вмѣсто отца, ко- его память и наставленія, не смотря на столь долгое опусиствіе, сохранилъ онъ какъ драгоцѣнность во глу- бинѣ своего сердца.

По смерти Сиръ Аллана и взяши въ плѣнь супруги его, одинъ изъ спаринныхъ служителей ихъ собиралъ до- ходы, имъ принадлежавшіе, сохранилъ много драгоцѣнно- стей, граматы, письма и бу- маги, спасенныя отъ раз- грабленія, или полученные послѣ въ разныя времена, спѣшилъ вручить ихъ Губер- шу, какъ единственному и законному наслѣднику. Въ одинъ вечеръ, разбирая сіи бумаги, нашелъ онъ между ими рукопись, чтеніе копо- рой показалось ему занима- тельнымъ; особливо возбу- дило вниманіе его письмо,

приложенное при оной, слѣдующаго содержанія :

„Милордъ!

„Вѣрный служитель, которому приказаль я отдашь
 „вамъ сіе письмо, вручить
 „также довольно большую рукопись, содержащую исповрїю, обѣщанную мною вамъ
 „въ прежнемъ моемъ письмѣ.
 „Не прибавлю ничего къ подробностямъ, заключающимъ
 „ся въ ономъ, о причинахъ моего молчанія и долговременнаго таинственнаго моего поведенія. Впрочемъ чшнїе рукописи не оставитъ
 „вамъ ничего желать по сему предмету. Рѣшась опомшннть за своего друга,
 „еслили не найду его, отваживаюсь я на величайшія
 „опасности и могу погибнуть.
 „И такъ наскоро написалъ

„я испорю его несчастій,
 „дабы она могла открытъ
 „сыну рожденіе его и служишь
 „для него въ послѣдствіи руко-
 „водишелемъ. Предѣсшавляю
 „на ваше благоразуміе сооб-
 „щишь ему оную. Я ни-
 „чего не упустишь, что мог-
 „лобы его извѣстишь о соб-
 „ственной и благородныхъ
 „его родителей участи. Да
 „увидишь онъ ихъ нѣкогда и
 „да благословишь память мою!
 „особенножь да сравняешся
 „съ вами въ добродѣтели и
 „да окажешъ себя всегда до-
 „стойнымъ великодушнаго
 „вашего покровительства!“

Фердинандъ, Графъ Озимо.

Губерто перечитывалъ
 нѣсколько разъ сіе письмо, и
 тысячи смѣшанныхъ идей за-
 няли его воображеніе. Онъ
 пошчасъ началъ искаць пер-
 ваго письма, о копоромъ упо-

миналось въ послѣднемъ ; но исканія его были бесполезны. Тогда взявъ онъ рукопись , и такъ какъ любопытство не позволяло ему мѣшкатъ , онъ прочелъ съ жадностію слѣдующее :

Манускриптъ Графа Озимо.

„Въ Королевствѣ Неапольскомъ , недалеко отъ города Манфредоніи , котораго гордыя башни отражаются величественно въ водахъ залива , носящаго имя его , возвышается пышный дворецъ фамиліи Алварони. Съ давняго времени удалился въ него благородный Стефано Алварони , послѣдній владѣлецъ онаго , погруженный въ горесть рановременною кончиною своей супруги , съ единственною дочерью прекрасною Розанною Валенцою.

„Около того же времени молодой Герцогъ Маршини Гонзари, неуспѣшней поперю нѣжно любимой матери и спѣша ославить мѣста, представлявшія ему только горестныя воспоминанія, рѣшился покинуть жилище своихъ предковъ, древній Тарентскій Замокъ, котораго высокія съ зубцами стѣны возносятся надъ обширнымъ заливомъ Галлипольскимъ.

„Въ семь намѣреніи сдѣлалъ онъ нужныя приготовленія для отъѣзда въ Римъ, отстоящій отъ Тарента почти на сто восемь миль. Но прежде отъѣзда писалъ онъ къ Кардиналу Николо Гонзари, своему дядѣ, увѣдомляя о своемъ намѣреніи, и просилъ его прислать ему въ семь городъ жилище, соответствующее его имени и состоянію.

„Съ дѣтскаго возраста молодой Герцогъ не видалъ своего дяди, который жилъ съ давняго времени въ Римѣ, гдѣ и принялъ духовное званіе. Но достиженіи наконецъ почтимъ и благоразумнымъ поведеніемъ и происхожденіемъ своимъ достоинствомъ Кардинала, честию обіе его всегда преляшествовало ему возвратиться въ Тарентъ, не смотря на частыя приглашенія его брата, опца молодого Герцога Гонзари, попеченіемъ и дружбѣ котораго преимущественно былъ онъ обязанъ своимъ богатствомъ и возвышеніемъ.

„Почтенный сей братъ отличался отъ Кардинала Николо прекрасными качествами, но наиболее откровенностію и великодушіемъ характера. — добродѣтели, наслѣдованныя молодымъ Герцо-

гомъ Марпини, сыномъ его. Кардиналь, напропивъ того, къ мрачному и недовѣрчивому характеру присоединялъ ненасытное корыстолюбіе и непомѣрное честолюбіе: Пагубныя сіи склонности, заранѣе въ немъ оказавшіяся, возрасли съ лѣтами и разными степенями возвышенія, которыя и рѣшили его вступить въ Конклавъ. Едва былъ онъ украшенъ пурпуровою мантіею, какъ шіара возбудила его зависть. Вскорѣ возымѣлъ онъ желаніе взойти на Папскій престоль по смерти верховнаго Первосвященника; всѣ мысли его и дѣла клонились только къ сей цѣли. Обладаніе помѣстьями и Герцогствомъ Тарентскимъ дѣлалось необходимымъ къ совершенію его желаній; но братъ его, назначивъ себѣ наслѣдника, разрушилъ всѣ его на-

дежды. Съ тѣхъ поръ Кардиналь оцущилъ во глубинѣ сердца непримиримую ненависть къ сему племяннику, существованіе коего лишало его владѣній, которыя корыстолюбіе его давно уже себѣ присвоило.

„О естли бы только сіи упреки можно было ему сдѣлать! Гнуснѣйшіе пороки способствовали къ униженію его характера.

„Хотя ревностно исправлялъ онъ должность, полагаемую на него религіею, но непреклонный и горделивый разумъ его съ давнихъ временъ ожесточился прошивъ числѣннѣйшихъ истиннъ, и сей недостойный проповѣдникъ Слова Божія насмѣхался внутренно надъ мудрыми правилами, которымъ онъ по сану своему долженъ былъ настаивать другихъ. Въ публикѣ

надѣвалъ на себя личину скромности, но въ своемъ домѣ вознаграждалъ себя за скучное принужденіе и предавался всѣмъ излишесствамъ невоздержности.

„Таковъ былъ Кардиналь Николо Гонзари, коего ложныя добродѣтели обольстили молодаго Герцога и произвели къ нему величайшее уваженіе въ то время, какъ онъ рѣшился поселиться въ Римѣ и поручилъ дядѣ своему приготовить ему въ семь городѣ приличное жилище.

„При чтеніи писемъ своего племянника Кардиналь почувствовалъ движеніе радости и удивленія. Онъ тотчасъ занялся удовольствованіемъ желаній молодаго Герцога Гонзари, и вскорѣ душа его, исполненная ненависти, предалась самымъ мрачнымъ меч-

памъ и возымѣла ужаснѣйшія предпріяпія.

„Когда все было готово, то молодой Герцогъ захопѣлъ наконецъ опправиться. Сердце его почувствовало болѣзненное стѣсненіе, когда онъ осматривалъ древнее и любимое жилище своихъ предковъ и можетъ быть прощался съ нимъ въ послѣдній разъ и навсегда.

„Уже сошелъ онъ на дворъ, гдѣ ожидала его свита, какъ вдругъ молодой Графъ, Фердинандъ Озимо, бросился въ объятія Герцога, друга юношескихъ лѣтъ своихъ, коего не видалъ съ давняго времени. Это былъ я. Узнавши о намѣреніи Гонзари поселиться въ Римѣ, я тотчасъ рѣшился сопутствовать ему, не желая жить одинъ въ окрестностяхъ Та-

ренція, когда другъ мой уда-
лялся изъ онаго навсегда.

„Рѣшительность моя раз-
сѣяла нѣсколько задумчивость
молодаго Герцога. Мы пош-
чась оба поѣхали, восхища-
ясь своимъ соединеніемъ по-
слѣ долговременной разлуки.
Слуги наши слѣдовали за на-
ми. Цѣлую недѣлю провели
мы въ Неаполѣ, и потомъ
продолжали путешествованіе свое
въ Римъ, куда черезъ нѣ-
сколько дней и пріѣхали бла-
тополучно.

„Герцогъ Гонзари, оп-
дохнувъ нѣсколько послѣ до-
роги, поѣхалъ со мною въ домъ
своего дяди, гдѣ, въ ожиданіи
присутствія Кардинала,
ввели насъ въ пышную ком-
нату. Кардиналъ принялъ
племянника своего съ нѣж-
ностію, смѣшанною съ оспо-
роженностію; и сжалъ его ла-
сково въ объятіяхъ своихъ.

Казалось, что я причинялъ ему какое-то безпокойство, и онъ спросилъ о моемъ имени съ видомъ нѣкотораго неудовольствія. Герцогъ пошчасъ назвалъ меня и хвалилъ мои качества, происхожденіе, соспояніе, а особливо пѣснѹю дружбу, соединяющую насъ съ малолѣтства. Жаръ, съ какимъ изъяснялся молодой Герцогъ, научилъ жипраго Кардинала скрывать опъ меня свое неудовольствіе. Онъ старался припвориться, сдѣлалъ мнѣ самый ласковый пріемъ и поздравлялъ своего племянника съ такою похвальною дружбою.

„Съ сей минушы Кардиналъ Николо припворно распочалъ передъ моимъ другомъ знаки искренней и опцовской любви. Онъ помѣспилъ его въ великолѣпныхъ палахахъ, пригошвленныхъ

для принятія его, и предупредаль всѣ его желанія, надзирая впрочемъ прилѣжно надъ всѣми поступками молодого Герцога и заключаая во глубинѣ сердца ненависть ко мнѣ и недовѣрчивость, копорую внушали ему опытность моя и характеръ.

„Герцогу не было еще двадцати лѣтъ, мнѣ же было двадцать четыре. Онъ еще не жилъ въ свѣтѣ и не въ состояніи былъ подозрѣвать людей въ лукавствѣ, а еще менѣе проникнуть преступныя намѣренія своего дяди; я же, соединяя съ нѣсколькими лишними годами большую опытность въ людяхъ, не такъ легко давался въ обману наружности. И такъ мнѣ не трудно было открытъ, что ласки, коими Кардиналь осыпалъ Гонзари, были внушены въ него не истинною привя-

защностию, но скорѣе какими-нибудь тайными видами и желаніемъ показашь себя усердствующимъ опекуномъ своего племянника.

„Для меня довольно было немногаго времени, чтобы увѣрился въ моихъ подозрѣніяхъ. Тщетно хопѣль я принудить друга своего не вѣришь дядѣ своему: онъ имѣль сердце слишкомъ довѣрчивое и слишкомъ много уважалъ лѣша его, особенно имѣль весьма высокое мнѣніе о его добродѣтеляхъ, и пошому не могъ такъ скоро повѣришь моимъ предостереженіямъ.

„Когда я увидѣль невозможность опкрышь ему глаза и изъяснишья свободнѣе о столь нѣжномъ предметѣ, по рѣшилъ надзирать съ величайшимъ вниманіемъ за поступками Кардинала для полученія доказательствъ, спо-

собныхъ оправдать мое безпокойствіе.

„Герцогъ и я проводили время въ осматриваніи превосходныхъ памятниковъ древняго Рима и въ посѣщеніи знаменѣйшихъ домовъ въ городѣ, въ которыхъ насъ съ удовольствіемъ принимали. Въ одинъ вечеръ въ блистательномъ собраніи, куда мы были сопровождаемы Кардиналомъ, доложили о незнакомцѣ, прибывшемъ того же утра изъ Манфредоніи подъ именемъ Маркиза Стефано Алварони.

„Незнакомецъ былъ довольно старъ, имѣлъ величественный видъ; онъ былъ важенъ въ обращеніи, печаль и горделивость выражались на лицѣ его. Разпрашивая, Герцогъ узналъ, что Маркизь въ скоромъ времени послѣ женитьбы лишился молодой и пре-

красной своей супруги, страстно имъ обожаемой; что сїя супруга, вѣчный предметъ его воспоминаній, умерла, произведя на свѣтъ дочь, живущую во дворцѣ Манфредоніи, которой красота и рѣдкія совершенства всѣми прославляемы. Ему сказали также, что Маркизь не прїѣзжалъ въ Римъ цѣлыя шесть лѣтъ, что одни только важныя дѣла могли принудить его разлучиться съ дочерью и оставить окрестности Манфредоніи.

„Въ теченіе вечера Маркизь Алварони сидѣлъ подлѣ молодого Герцога и разговаривалъ съ нимъ. Бесѣда ихъ показала съ продолжительною подозрительною Кардиналу, который съ безпокойствомъ смотрѣлъ на нихъ нѣсколько времени и подошелъ съ тѣмъ, чтобы прервать ее. Въшавъ

шись на минуту въ разговоръ, увель онъ Маркиза подь пущымъ предлогомъ, между пѣмъ какъ Герцогъ и я возвращались домой, разговаривая о происшествіяхъ дня сего.“

Г Л А В А IV.

Продолженіе рукописи Графа
Озимо.

„Розанна Валенца, единственная дочь Маркиза Алвасрони, осталась одна въ Замкъ отца своего близъ Манфредоніи. Зданіе сіе, окружаемое обширными помѣстьями и называемое Вилла Севеша, было построено у подошвы горы Сенцъ - Анжело; одна сторона онаго выходила къ заливу Венеціянскому; другую окружали богатые поля, копорья оканчивались великими Аппеннин-

скими горами. Вскорѣ, въ семь восхищительномъ зрѣлищѣ, прекрасная дѣвица почувствовала сердце свое опвернутымъ къ прелестямъ уединенія и меланхоліи. Каждое утро вставала она вмѣстѣ съ зарею и взираала съ восхищеніемъ на многоразличныя сцены, представляемыя ей природою. Потомъ ходила она въ маленькую часовню, построенную во имя Пресвятой Богородицы. Сей древній и скромный монументъ, воздвигнутый благочестіемъ предковъ фамиліи Алварони, возвышался вмѣстѣ съ остроконечными своими шпицами, украшенными лѣпною работою, посреди густаго лѣса черныхъ сосенъ, копорыхъ вершины были видны въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Вилла Севеты. Розанна имѣла особенное усердіе къ сей

часовнѣ, въ которую мать ея ходила на молитву каждый вечеръ. По примѣру ея, Розанна приходила туда въ молчаніи размышляя о щастливыхъ дняхъ своего дѣтства. Иногда казалось ей, будто она видитъ сію любезную родительницу, похищенную такъ рано отъ ея любви; она проспирала къ милому сему изображенію невинныя руки, и благочестивыя слезы орошали лице ея.

„Между тѣмъ крайняя нужда заставила меня ѣхать въ Тарентъ. Герцогъ Гонзари хотѣлъ въ свою очередь проводить меня; но предсавленія его дяди и просьбы мои отврапили его отъ сего. Онъ вaspоялъ однакожъ, чпобы проводить меня въ Неаполь, и я принужденъ былъ согласиться. Приготовленія наши скоро кончились. Скорость

отъѣзда моего позволила Герцогу взять съ собою только двухъ слугъ. Черезъ два дни прибыли мы въ Неаполь. Тамъ съ горестію растался я съ своимъ другомъ, обѣщавъ ему возвратиться какъ можно скорѣе и безъ оплагательства продолжать путь свой.

„Огорченный моимъ отсутствіемъ, лишенный утѣшеній и помощи дружбы, Гонзари предался снова печальнымъ воспоминаніямъ и опять погрузился въ меланхолію. Онъ рѣшился выѣхать изъ Неаполя, пребываніе въ которомъ не имѣло для него никакой пріятности, и возвратиться въ Римъ, посѣпивъ на дорогѣ занимательныя мѣста.

„Остановясь въ Манфредоніи для разсмотрѣнія съ большимъ вниманіемъ древнихъ монументовъ, а особли-

въ воздвигнутыхъ Манфредомъ, основаніемъ сего города, онъ выѣхалъ изъ него въ одинъ вечеръ въ сопровожденіи двухъ служителей, которые слѣдовали за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Медленно шелъ онъ въ тѣни густаго лѣса, какъ вдругъ внезапный крикъ поразилъ слухъ его. Онъ обернулся и увидѣлъ, что нѣсколько вооруженныхъ людей вышли вдругъ изъ лѣсу и напали на его слугъ.

„Гонзари повернулъ топчасъ свою лошадь и, не усправшася множеству, обнажилъ мечъ свой. Въ ту же минуту стрѣла пролетѣла насквозь епанчи его, не попавъ въ него, и одинъ изъ слугъ его упалъ съ лошади, пораженный смертельнымъ ударомъ; другой, еще защищавшійся, заклиналъ его скорѣе спастися. Герцогъ, презирая

собственную свою опасность и прорывъ участію вѣрныхъ своихъ служителей, поспѣшилъ къ нимъ на помощь, какъ вдругъ пять человекъ верхами показались вдали, скача на него во весь опоръ, въ намѣреніи, если не опятъ у него жизнь, то по крайней мѣрѣ схватить его. Опасность была столь очевидная и близкая, что онъ принужденъ былъ помышлять о своемъ спасеніи, прищипорилъ лошадь и поскакалъ въ густую лѣсу.

„Онъ остановился, когда не слышалъ болѣе за собою погони разбойниковъ. Черезъ нѣсколько времени сошелъ онъ съ лошади и пошелъ въ малую часовню, недалеко отстоявшую.

„Когда онъ вошелъ въ нее, то молодая женщина, прекрасная лицомъ, сидѣв-

шая у подножія олшаря и погруженная въ глубокую задумчивость, встала поспѣшно и взглянула на дверь съ изумленіемъ и усстраненнымъ взоромъ. Гонзари, пораженный сею неожиданною встрѣчею, оспановился на минушу, потомъ подошелъ къ ступенямъ олшаря, гдѣ незнакомка сподла неподвижною опть спрахъ и удивленія.

„Успокойшесь, сударыня, сказалъ ей Гонзари; сохрани Боже, чтобъ я захопѣлъ возмущить спокойствіе ваше. Преслѣдуемый толпою убійць, я думалъ найши здѣсь убѣжище; но естли присущствіе мое вамъ оскорбительно, или неприятно, я удаюсь сію минушу.“

„Гонзари имѣлъ спройный спанъ; прекрасныя качества души его выражались на лицѣ, украшенномъ всѣми

предлестями молодости; черные и развѣвающіеся вгосы падали кудрями изъ - подъ шлема, освѣннаго черными перьями. Б о г а п а я воинственная его одежда показывала высокую его породу, а благородные поступки внушали довѣренность.

„Прекрасная незнакомка разсмашривала со вниманіемъ молодаго человека и была нѣсколько минушь въ нерѣшимости, что ей дѣлать. Удивленіе и сожалѣніе смущали душу ея. „Г. рыцарь, опвѣчала она ему наконецъ, я полагаюсь на слова ваши. Извините замѣшательство мое внезапнымъ явленіемъ своимъ. Сохрани Боже, чтобы я была нечувствительна къ вашей опасности и не воспользовалась случаемъ быть полезною подобному мнѣ человеку. Отстаньтесь въ семь убѣжищъ,

а я буду молишь Бога, чтобы Онъ избавилъ васъ опть непріятелей; побѣгу къ нимъ, и еснъли увижу ихъ, то поспараюсь опклонить опть васъ злодѣевъ, показавъ имъ другую дорогу, по которой будшо бы вы поѣхали.“

— Какъ! вы хотите, чтобы я согласился подвергнуться опасности дни ваши? вскричалъ Гонзари; ахъ, сударыня! не думайте этого. Мнѣ надобно ѣхать. Я очень вижу, что присушствіе мое здѣсь непріятно. Я поѣду, не смотря на то, что лошадь моя усшла. —

„При сихъ словахъ онъ подошелъ къ двери. Вдругъ раздался топотъ скачущихъ лошадей.

„Выцарь! вскричала незнакомка съ великимъ ужасомъ, ради Бога не выходите; конечно это пѣ люди, кои

покушались на жизнь вашу. Ахъ! заклинаю васъ, не подвергайтесь неизбежной гибели и не осуждайте меня на вѣчное сожалѣніе.“

„Жаръ, съ какимъ незнакомка и зъяснялась, и страхъ, ею изъявленный, пронули Гонзари. Взоры его благодарили за то лучше, нежели бы могли по сдѣлать уста его. По щастію проскакали мимо часовни не останавливаясь и продолжали помыски свои въ другой части лѣса. Гонзари, избѣгнувъ опасности, спалъ на колѣни передъ олшаремъ и произнесъ краткую молитву, во время которой незнакомка имѣла свободное время разсмотрѣть его.

„Между тѣмъ ночь наступала. Гонзари окончилъ свою молитву и готовился выйти. Напередъ принесъ

онъ незнакомкѣ нѣжнѣйшую благодарность и изъявилъ ей живѣйшее сожалѣніе, что оставляетъ ее. Онъ узналъ, что она живетъ въ Замкѣ Маркиза Алварони, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ часовни и Манфредоніи.

„При имени Алварони Гонзари вспомнилъ поспѣхъ знаменитаго чужестранца, съ которымъ онъ встрѣтился въ Римѣ. „Ахъ, сударыня! вскричалъ онъ съ живоспію, я не могу болѣе сомнѣваться въ своемъ благополучіи: вы дочь Маркиза Алварони, прекрасная Розанна Валенца, которой прелести и добродѣтели столько выхваляются. Благословляю теперь опасность, которая заставила меня искать убѣжища въ сихъ мѣстахъ. Благородный родитель вашъ не безызвѣстенъ мнѣ, и я чувствую,

что не забуду никогда носящую споль достойно его имя.“

„При сихъ словахъ онь почтительно поклонился прекрасной Розаннѣ, которая съ популленными взорами и краскою на лицѣ старалась щещепно скрыть смященіе, произведенное въ ней послѣдними словами моего друга. Она хотѣла отвѣчать; но Герцогъ уже уѣхалъ и смотрѣлъ на нее издали. Она остановилась нѣсколько времени неподвижною у двери часовни и удалилась наконецъ, испутивъ глубокій вздохъ и стараясь разобрать смѣшанныя чувства, возродившіяся во глубинѣ ея души.“

Г Л А В А V.

Продолженіе.

„Таково было свиданіе, рѣшившее на всю жизнь судьбу Гонзари и прекрасной Розанны. Герцогъ, оставивъ ее, поскакалъ къ тому мѣсту, гдѣ было сдѣлано нападеніе на двухъ служителей его, и нашелъ только слѣды крови. Онъ поѣхалъ наудачу и при наступленіи ночи прибылъ къ малому городу Сентъ-Анжелю, гдѣ и нашелъ своихъ слугъ. Одинъ изъ нихъ получилъ много ранъ, казавшихся смертельными; другой, будучи только легко раненъ, перевезъ своего поварища въ сей городъ. Они ничего инаго не знали, кромѣ того, что напавшіе на нихъ были въ маскахъ и не походили на разбойниковъ, но что, по ви-

димому, желали только смерти одного Герцога.

„Гонзари принялъ нужные мѣры, чтобы служители его не имѣли ни въ чемъ недосыпка, и нанялъ себѣ провожатыхъ, съ которыми на другой день на самой зарѣ выѣхалъ изъ Сентъ - Анжело. По двухдневномъ путешествіи пріѣхалъ онъ въ Римъ и увидѣлъ дядю, который принялъ его съ великимъ усердіемъ и рассказывалъ ему подробно о безпокойствѣ, которое ему причинило его опускание. Когда Герцогъ увѣдомилъ его о случившейся съ нимъ опасности, то Кардиналъ изъявилъ сильное негодованіе и хотѣлъ послать войска для преслѣдованія убійцы. Гонзари съ великимъ трудомъ могъ отклонить его отъ сего намѣренія и упрасилъ дать слово хранить о

семь дѣлъ глубочайшее молчаніе.

„Съ самаго своего возвращенія Герцогъ посѣщаль весьма часто Маркиза Стефана Алварони, и сія новая связь, пріобрѣтая всякой день болѣе и болѣе силы, весьма не нравилась Кардиналу, кошпорый снова велѣлъ присматривать съ величайшимъ стараніемъ за всѣми поступками своего племянника.

„Маркизь Алварони былъ отъ природы гордъ, а по смерти супруги своей все честолюбіе его состояло въ блистательномъ замужствѣ дочери. Превосходныя качества моего друга были такъ извѣстны и очевидны, что, не смотря на неравенство лѣтъ, Маркизь провождалъ съ нимъ большую часть времени. Гонзари, съ радостію при-

мѣчавшій привязанность Маркиза, не сомнѣвался болѣе достигнуть предмета пылкой своей страсти, открывши ему свое сердце. Въ сихъ мысляхъ рѣшился онъ объявить о намѣреніи своемъ дядѣ, увѣренъ будучи въ его согласіи на споль знаменитый союзъ, въ слѣдствіе чего воспользовался онъ случаемъ для вывѣданія прежде мыслей его вообще о бракѣ, не объявляя положительно о предметѣ своего выбора. Но сколько онъ удивился, когда увидѣлъ, что дядя его совершенно противенъ былъ его намѣреніямъ, и когда онъ началъ говорить съ жаромъ о необходимости, что чловѣку споль оплчнаго званія, какъ Герцогъ Гонзари, должно дожидаться зрѣлаго возраста и подумать, прежде нежели прислушаться къ выбору, объ

условіяхъ , которыхъ пребудеть значимость его породы и состоянія !

„Сколь ни велико было желаніе его не огорчать Кардинала, но Гонзари былъ слишкомъ влюбленъ , а впрочемъ и бракъ сей столь былъ значительнъ , что онъ не хотѣлъ долѣе останавливать себя препятствіями, которыя дядя его, кажется, нарочно выдумывалъ. И такъ онъ оставилъ намѣреніе испросить прежде сего согласіе, и дожидаясь только моего возвращенія, чинобы рѣшиться, что ему дѣлать.

„Въ сіе время Маркизъ Алварони, котораго дѣла не удерживали болѣе въ Римѣ, объявилъ Герцогу о своемъ отъѣздѣ и легко получилъ отъ него обѣщаніе провести нѣсколько времени въ Вилла Селешъ. Ввечеру того же дня

Кардиналь Николо навѣспилъ своего племянника и предспавиль ему молодого человѣка, имь покровительствовуемаго. „Прошу васъ, присовокупилъ онъ, обрапя рѣчь къ Герцогу, подарить дружбою вашею сего молодого человека, который, надѣюсь, утѣшитъ васъ въ отсутствіе Графа Озимо.“

„Герцогъ принялъ его учпиво, но холодно. Наружность сего человѣка имѣла видъ принужденія, который дѣлалъ странный контрастъ съ благородными и опкрытыми поступками Гонзари Джіовани Малдиккини (такъ назывался любимецъ Кардинала Николо), казалось, имѣлъ немного поболье двадцати лѣтъ. Ростъ его былъ малъ и нескладенъ, лице опвратительное. Разговоры его со всѣмъ неспособствовали къ по-

данію лучшаго мнѣнія о его характерѣ. Способъ, употребленный имъ для пріобрѣтенія благосклонности Герцога, былъ шакъ низокъ, что черезъ два дни Гонзари сносилъ присутствіе Малдиккини только изъ снисхожденія къ дядѣ и скоро возымѣлъ къ нему непреодолимое отвращеніе и глубочайшее презрѣніе.

„Вскорѣ по опъѣздѣ Маркиза Алварони Герцогъ примѣшилъ и наскучилъ надзираніемъ, которое дядя его и покровительствуемый имъ Джіовани Малдиккини наблюдали за нимъ съ самою упомишельною точностію. Неудовольствіе, опъ сего имъ чувствуемое и котораго не могъ скрыть, кажѣпся, сперва прохладило ихъ усердіе и дало ему на нѣкоторое время болѣе власпи надъ своими поступками.

„Гонзари почель тогда за нужное не оплагать болѣе посѣщенія, обѣщаемаго Маркизу Алварони, копорымъ желалъ онъ воспользовашься болѣе по воспоминанію о прекрасной Розаннѣ. И такъ поѣхалъ онъ въ Манфредонію съ свитою, приличною его званію, между коею находились двсе вѣрныхъ служителей, защищавшихъ его съ такою храбростію и копорыхъ раны уже зажили.

„Удивленіе и смущеніе Розанны были чрезвычайны, когда узнала она въ Герцогѣ любезнаго незнакомаца, встрѣпившагося съ нею въ часовнѣ, копораго черпты лица хранила она съ сей минуты во глубинѣ своего сердца.

„Дни пролетали быстро для Гонзари подлѣ сей прелестной дѣвицы. Однакожь онъ не думалъ еще прощать.

ся съ Маркизомъ Алварони. Сей съ удовольствіемъ примѣчалъ тайную вѣспрасть молодого друга своего, и родительское сердце его чувствовало живѣйшую радость. Союзъ сей довершилъ бы всѣ его желанія и совершенно удовлетворилъ бы его честолюбію. Скоро Герцогъ признался въ страстной любви, внушенной ему Розанною; онъ заклиналъ Маркиза опідать ее за него и согласиться на тайный бракъ, пока достигнетъ онъ совершеннаго двадцатипятилѣтняго возраста, предоставляя себѣ праздновать тогда бракъ свой со всею пышностію и великолѣпіемъ, какого требовало его званіе. Алварони, спрашившійся сопрошивленія Кардинала, о характерѣ и намѣреніяхъ котораго собралъ онъ тайно въ Римѣ свѣдѣнія, внутренно

радовался предложенію моего друга; однако представилъ нѣкоторыя затрудненія, кои Герцогъ опровергнулъ съ жаромъ и краснорѣчіемъ любви. Маркизь сдался наконецъ на его представленія и согласился торжественно и по свадьбу своей дочери въ уединенной часовнѣ, гдѣ любовь ихъ воспріяла свое начало.

„Герцогъ писалъ ко мнѣ много писемъ, въ копорыхъ увѣдомлялъ меня обо всѣхъ сихъ подробностяхъ, и наконецъ объявилъ мнѣ о семъ бракѣ. Дѣла, призвавшія меня въ Тареншъ, приходили уже къ концу, я началъ думать о соединеніи съ моимъ другомъ; но непредвидѣнныя обстоятельство отсрочили отпѣздъ мой. Въ это время Гонзари получилъ изъ Рима гонца, увѣдомившаго его объ опасномъ положеніи его дяди,

одержимаго жестокою болѣз-
нію, побуждающемъ его
ускорить возвращеніемъ.
Трудно было вырваться ему
изъ объятій супруги; но род-
ство и привязанность его
къ Кардиналу заставили его
рѣшиться на горестное по-
жертвованіе. Разлуку нѣж-
ныхъ супруговъ не возможно
было изъяснить словами: она
была самая горестнѣйшая.
Увы! можетъ быть тайное
предчувствіе увѣдомляло ихъ
объ ужасныхъ несчастіяхъ,
имъ угрожавшихъ.“

Г Л А В А VI.

Продолженіе.

„Я спѣшилъ къ другу сво-
ему, нетерпѣливо желая ви-
дѣть его супругу и быть сви-

дѣшелемъ ихъ благополучія. Я любопытенъ былъ видѣть также любимца Кардинала Николо, о которомъ Герцогъ говорилъ мнѣ въ своихъ письмахъ и котораго почи-палъ я за шпиона, приспав-леннаго къ Гонзари. Новое сіе произшествіе усугубило недовѣрчивость мою къ Карди-налу. Однако я не могъ у-пвердительно сказаць, на чемъ основывались мои по-дозрѣнія, и не смѣлъ объявить ихъ прямо Гонзари.

„Я оснавилъ слугъ моихъ въ Манфредоніи и поѣхалъ одинъ въ Виллу Севешу, гдѣ хотѣлъ удивить Герцога. Сильная буря заспигла меня въ Сентъ-Анжельскомъ лѣсу, черезъ которой надлежало мнѣ ѣхать. Дождь лилъ ручьями и громъ гремѣлъ непрерывно. Я погналъ свою лошадь, на-дѣясь найсти хижину дрово-

сѣка, но долго искалъ ее по пуспому. Одна молнія освѣщала мою дорогу. Наконецъ увидѣлъ я въ нѣкопоромъ разспояннѣ развалины спараго, почти разрушеннаго Замка. Продливной дождь все еще продолжался. Я поворошилъ топчасъ въ ту спорону, чтобы сыскапъ убѣжище. Вдругъ примѣшилъ я при блескѣ молннѣ трехъ человекъ, пробирающихся вдоль стѣны Замка и входящихъ въ него съ женщиною, копорою, казалось, они насильно пащили за собою. Первымъ моимъ движеніемъ было ударить лошадь шпорами и лепѣть на защиту незнакомки, но подумавши я остановился. Я былъ одинъ, и такъ надобно было упопрѣбить благоразуміе и знать напередъ, что бы это такое было. При выходѣ изъ лѣса земля возвышалась въ видѣ

амфитеатра до подошвы здания, котораго полуразвалившіяся стѣны покрыты были плуцемъ и оканчивались зубцами, разрушившимися ошь времени. Я сошелъ съ лошади, привязавъ ее къ одному дереву и продолжалъ идти пошухомъку, не слыша и не видя никого. Въ короткое время подошелъ я къ краю рва, служившаго прежде наружною стодою стѣнамъ Замка. Я пошелъ по немъ и достигъ главнаго входа, передъ которымъ ровъ былъ засыпанъ и доставлялъ удобный проходъ къ воропамъ, коихъ видны еще были остатки.

„Перешедши ровъ, я вступилъ въ потаенную дверь и взощелъ съ обнаженнымъ мечемъ на передній дворъ, весь заваленный обломками. Я остановился на нѣсколько минутъ для обозрѣнія развалинъ

и нащелъ въ концѣ сего двора другую дверь, ведущую во внутренность Замка. Я вошелъ въ нее и увидѣлъ себя въ обширной, сырой и мрачной залѣ, копорую осмопрѣлъ при свѣтѣ луны, мелькавшей слабо сквозь облака.

„Каждой порывъ въпра возбуждалъ мое вниманіе; иногда, казалось, приносилъ онъ жалобные вопли, я топчась вслушивался, но ужасное молчаніе за нимъ слѣдовало. Часто даже обманывалъ меня спукъ ногъ моихъ; но, остановясь на минушу, я узнавалъ ошибку свою. Такимъ образомъ прошелъ я много развалившихся комнатъ, не открывши того, чего искалъ.

„Упомленный ходьбою и бесполезностію поимковъ, воротился я назадъ, рѣшась сѣсть на лошадь и восполь-

зоваться разгулявшеюся погодою, чтобы ѣхать въ Виллу Северу, копорую полагаю я не въ большомъ разстояніи.

„Уже достигъ я залы, находившейся въ сообщеніи съ переднимъ дворомъ, черезъ копорый я проходилъ, какъ услышалъ вдругъ болѣзненный вопль. Я потчасъ остановился. Впорой раздался еще яснѣе и даль мнѣ разумѣть, что жертва находилась въ сосѣдственной комнатѣ.

„Я подошелъ потпихоньку къ полуотворенной двери и увидѣлъ при слабомъ свѣтѣ простертую на полу женщину, подлѣ копорой стояли три человека звѣрскаго вида. Между тѣмъ какъ я ихъ разсматривалъ, одинъ изъ нихъ вскричалъ окриплымъ голосомъ :

„Слушайте, братцы! Я не знаю, что это такое, но мнѣ жаль этой женщины, и если бы не обѣщанная награда: то, думаю, отказался бы отъ даннаго слова. Правда; хотя я и неслишкомъ чувствительной души, но если бы завистло отъ меня, то опвелъ бы ее пошчасъ къ опцу.“

„Чёртъ съ тобою! опвѣчалъ другой грознымъ голосомъ. Спуйай! ты недостопинъ своего званія и раздѣля добычи съ нами. Убирайся отсюда, оставь намъ свою долю.“

„Ага, Жереонили! не испати засовѣстимся, подхватилъ третій разбойникъ еще ужаснѣшимъ голосомъ. Жаль, что прежде не зналъ я твою прусоспъ: я бы опспвилъ тебя въ покоѣ и подѣлилсябъ съ Доминикомъ всѣ-

ми обѣщанными намъ деньгами. Чтобы чѣрпъ себя взялъ! не знаю, что удерживаетъ меня сей часъ отпра-
вить себя на топъ свѣць.“

„Ну полно, поварищи! сказалъ первый оскорбленный сими словами; надѣюсь, меня не лзя упрекнуть, чтобы я когда-нибудь подгадилъ вашу работу, и никогда не скажу, чтобы совѣсть помѣшала мнѣ быть вѣрнымъ своей кляпвѣ. Я вижу, что я неправъ, и естли надобно вамъ крови, дабы доказать чистосердечіе, то будьте спокойны, я пролью ее такъ, какъ и всякой другой.“

„То-то же!“ сказали оба разбойника.

„Я думаю, присокупилъ одинъ изъ нихъ, что намъ меньшаго труда будетъ спомъ получить свои деньги и что топъ, копо-

рый обѣщаль намъ ихъ, не останется въ затрудненіи : ибо , судя по неподвижности этой женщины , бьюсь объ закладъ, что она уже умерла. Слышалъ ли ты, Доминико, какъ кричала она и какъ просила помощи, когда упала съ лошади и я хотѣлъ ее поднять и посадить? Я приказывалъ ей молчать; но, нѣтъ! она кричала еще громче и шакъ сильно рвалась, что я насилу усадилъ ее въ сѣдлъ; чтобы она не спрыгнула, я обхватилъ ее рукою. Потомъ хотѣлъ зажать ей ротъ, чтобы она не кричала, но она опять у меня вырвалась и хрюкнулась о земь. Я изъ всѣхъ силъ поднималъ ее. Когда увидѣлъ наконецъ, что мнѣ не сладить съ нею и что дождь лилъ какъ изъ ведра, то подумавъ, что въдалеко, рѣшился подождать

вась въ аллеѣ, ведущей къ Замку. Джоакимо осмался на дворѣ сперечь лошадей, и какъ скоро увидитъ начальника нашего и людей его, то проводишь ихъ сюда.“

„Разбойники продолжали разговаривать еще нѣсколько времени, но пакъ шихо, что я болѣе ничего не слыхаль. Я подумаль нѣсколько минушь о средствахъ испоргнуть у нихъ жертву и рѣшилсѣ нечаянно напасть на нихъ. Я былъ одинъ и имѣлъ одинъ мечъ. прошивъ прехъ сильныхъ разбойниковъ, вооруженныхъ до самой головы; но надѣялся сладить съ ними въ первомъ ихъ изумленіи, или принудить оставишь добычу.“

„Топчасъ бросилсѣ я въ комнату и первымъ ударомъ повергъ на землю одного бездѣльника; второй ударъ, би-

спрѣе молніи», поразилъ другаго, который покапился на полъ, вскричавъ жалобнымъ голосомъ :

„Я умираю.“

„Злодѣи умеръ шупъ же съ болѣзненнымъ спеномъ.“

„Я хопѣлъ изрубилъ и прѣпяго, но несчастный, бросивъ свою шпагу, упалъ къ моимъ ногамъ и умоляя просилъ пощады. Я остано-вился въ нерѣшимости, при-ставя конецъ меча къ груди его.“

„Помилуйте, Г. рыцарь! вскричалъ разбойникъ. Если ли вы убьете меня, то всѣ ваши старанія останутся бесполезными: вы лишитесь дамы и смерть ваша неизбѣжна.“

„Я' потчасъ вспомнилъ о слышанномъ мною. Разбой-ники каждую минуку ожида-ли своего начальника: лошадей

моя очень устала, и я оставилъ ее въ нѣкопоромъ разстояніи отъ Замка, и потому трудно былобъ избѣжать погони сполькихъ людей. Размышленія сіи потчасъ меня рѣшили.

„Нещасный! сказалъ я ему, могу ли я вѣришь тебѣ? что сдѣлаешь ты, когда я подарю тебѣ жизнь?“

„Клянусь, сдѣлаю все, что вы мнѣ прикажете, отвѣчалъ разбойникъ, сложа руки.“

„Довольно, отвѣчалъ я. Встань, я прощаю тебя, но сдержи свое обѣщаніе, или я отправлю тебя на погрь свѣтъ.“

„Разбойникъ потчасъ всталъ и сказалъ мнѣ слѣдующее :

„Г. Рыцарь! вамъ не должно терять ни одной

минушы увезти сію женщину. Мы сыщемъ Джоакима, который ожидаетъ нашего начальника, чтобы привести его сюда. Мы принудимъ его отдать намъ лошадей и ѣхать съ нами; а если онъ не согласится, то убьемъ его и возьмемъ лошадей сами.“

„Совѣтъ сей и чистосердечный видъ внушили мнѣ довѣренность. Я подошелъ къ несчастной, лежащей безъ движенія на каменномъ полу, и наклонился къ ней, чтобы разсмотрѣть лицо, которое было прекрасно. Легкая одежда ея, разодранная во многихъ мѣстахъ, была вымочена въ дождь и замазана грязью. Я положилъ ей руку на сердце, чтобы узнать, бьется ли оно. Въ сію минушу открыла она глаза и испустила тяжкій вздохъ. Я хотѣлъ

поднять ее, какъ вдругъ многіе удары кинжаловъ сзади поразили меня. Я упалъ на землю безъ чувствъ и безъ сомнѣнія оставался долго въ томъ положеніи. Наконецъ большой шумъ заставилъ меня открыть глаза; однако я имѣлъ сколько присущія духа, что не прогасъ съ мѣста. Вскорѣ увидѣлъ я, что начальникъ разбойниковъ пріѣхалъ. Они всѣ подошли ко мнѣ; я зажмурился и удерживалъ, сколько могъ, дыханіе.

„Боже! это Графъ Озимо, сказалъ одинъ изъ нихъ, посмотрѣвъ мнѣ въ лице. Друзья! случай славно послужилъ намъ. Тебѣ же, сказалъ онъ, оборотись къ одному бездѣльнику, за исправный ударъ меча обещаю большое награжденіе.“

„Ну, друзья! присовокупилъ шопъ же голосъ, под-

нимитте женщину и посадите ее на лошадь. Ужь очень поздно, и естльи мы не поспѣшимъ, по насъ заспигнетъ день. “

„По приказанію сему разбойники сдѣлали родъ носилокъ, которыя покрыли своими плащами, положили на нихъ свою жершву и вышли изъ комнаты за своимъ начальникомъ. Давшій мнѣ ударъ ворошился еще на минушу ко мнѣ, чшобъ посмотриѣль, дѣйспвительсно ли я умеръ, и сказалъ уходя :

„Прощайте, шоварищи! естльи я не могъ воспрепятствовать вамъ умереть, по по крайней мѣрѣ опомспилъ за васъ. Лишнвшій васъ жизни лежишь теперь самъ подлѣ васъ безъ движенія. “

„Наконецъ всѣ они ушли. Глубочайшее молчаніе царствсвало вокругъ меня. То-

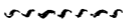
гда поспарался я въ темно-
тѣ останоуитъ, какъ умѣлъ,
кровь, пекущую изъ ранъ
моихъ. Скоро разсвѣло; я со-
бралъ всѣ свои силы и вспалъ
съ величайшимъ трудомъ,
ослабѣвъ отъ потерянной
крови. Нѣсколько разъ я при-
нужденъ былъ останавлиуа-
тсѣ, чшобы не упасѣ въ об-
морокъ, и отдыхалъ отъ вре-
мени до времени. Потомъ
спарался, держась за стѣну,
выдпи поухоньку за виѣш-
нюю ограду Замка. Я надѣял-
ся, что какой-нибудь дрово-
сѣкъ, проходя мимо, увидитъ
меня и окажетъ пособіе.

„Спустия долгое время и
съ великимъ утомленіемъ до-
шелъ я наконецъ до воротъ
Замка. Тамъ останоуился я,
испоущенный усталостію, у
развалившейся стѣны. Одинъ
изъ камней, сославлявшихъ
сіи развалины, былъ пустой,

и дождикъ, шедшій ночью, скопился въ немъ. Я съ жадностію принялъ неожиданную сію помощь, посланную мнѣ конечно Небомъ. Прохладительное сіе пишье укрѣпило мои силы. Я перешелъ черезъ ровъ Замка и сѣлъ на правѣ на споронѣ аллеи, не въ состояніи будучи идти далѣе.

„Долго сидѣлъ я, не видя никого; наконецъ показались вдали два дровосѣка, которыми я подалъ знакъ подойти ко мнѣ. Они приблизились, и пронувшись соспрандіемъ, увидя меня, взяли на руки и перенесли въ ближайшую жишину, которой жишели подали мнѣ всякую помощь, какую только въ состояніи были оказать.“

Г Л А В А VII.

Продолженіе.

„Я оставался пять дней въ сей хижинѣ, попому что раны мои и чрезвычайная слабость не позволяли перенести меня прежде сего времени. Въ сіе время получилъ я мало по малу нѣсколько силъ и послалъ въ Виллу Севету нарочнаго, который по возвращеніи увѣдомилъ меня, что не нашель никого въ Виллѣ. Удивленіе мое было чрезвычайно; но въ сію минушу старанія мои, получивъ по сему предмету удовлетворительныя свѣдѣнія, были тщепны.

„Черезъ двѣ недѣли послѣ того велѣлъ я перенести себя въ Манфредонію. Тамъ узналъ я въ первый разъ о смерти Маркиза и скрытіи Герцога

и Розанны Валенцы, его супруги. Старый слуга фамилии Алварони рассказал мнѣ о всѣхъ сихъ произшествіяхъ, которыхъ главныя подробности состояли въ слѣдующемъ:

„Черезъ нѣсколько часовъ по отъѣздѣ Герцога, котораго самыя убѣдительныя письма призывали въ Римъ къ дядѣ, прибылъ другой курьеръ въ Виллу Сефеллу, которому поручено было ускорить отъѣздомъ Герцога, естли онъ еще не выѣхалъ. Вторымъ сей присланный былъ молодой человекъ, именемъ Джіовани Малдиккини, выдававшій себя за воспитанника Кардинала и друга Герцога Гонзари.

„Причина сего путешествія, связи съ Герцогомъ и Кардиналомъ доставили Малдиккини самый ласковый приемъ со стороны Маркиза и его дочери, которые тщет-

но просили его пребыть въ Виллѣ до завтра и не могли убѣдить опасаться до ночи. Ввечеру ужиналъ онъ съ Маркизомъ. Тотчасъ послѣ того Малдикини взялъ свѣжихъ лошадей, отправился въ Римъ, изъявляя многократно живѣйшее сожалѣніе о положеніи Кардинала и близкой кончинѣ его, копорой ожидали каждую минушу.

„Въ полночь Маркизь почувствовалъ жестокую боль. Въ одну минушу поднялось все въ Виллѣ; но самая скорая и дѣйствительная помощь оказалась бесполезною: онъ умеръ черезъ часъ въ объятіяхъ дочери. Тѣло его покрылось багровыми пятнами и сильно распухло, черты лица были ужасно обезображены опъ жестокихъ претерпѣнныхъ имъ конвульсій.

„Слуга, копорого Розанна послала въ Манфредонию за Докпоромъ, поспѣлъ ворвался въ страшномъ волненіи и увѣдомилъ молодую Госпожу, что незнакомые люди окружили Виллу, что онъ щепно хопѣлъ избѣжать ихъ для исполненія своего порученія и едва не лишился жизни защищаясь. Едва успѣлъ онъ рассказать это, какъ толпа разбойниковъ разбила ворота Виллы, овладѣла слугами, прежде нежели они привели себя въ оборонительное положеніе, связали ихъ и увели безъ сожалѣнія ихъ Госпожу.

„На другой день слугамъ удалось освободиться отъ узъ. Многіе побѣжали извѣстить о томъ въ Манфредонию. Послали солдатъ гнаться за разбойниками и взяли шло Маркиза Алварони. Док-

тора, по освидѣтельствованиямъ трупамъ, объявили, что причиною его смерти былъ чрезвычайно сильный ядъ. Остатки Маркиза порже- ственно были погребены на кладбищѣ его предковъ. Тщетно старались открыть виновниковъ похищенія Розанны, не могли найти ихъ слѣдовъ, не смотря на самыя дѣятельныя поиски. Къ довершенію безпокойства нѣтъ никакого извѣстія о Герцогѣ Гонзари, о бракѣ котораго знали уже всѣ въ Римѣ.“

„Горестная сія повѣсть очень меня огорчила; я не преспавадь спрашивать слугъ, бывшихъ свидѣтелями сихъ спрашныхъ происшествій. Различныя свѣдѣнія, мною собранныя, дали мнѣ знать, что ночь, въ которую меня изранили, была та самая, когда случились всѣ

сіи нещастія, и что молодая женщина, для коей я бесполезно подвергался опасности, была супруга друга моего, Герцога Гонзари.

„Я ничего не щадилъ, чтобъ объяснить подозрѣнія, взяшья мною изъ появленія Джіовани Малдикини въ Вилль Сешетъ наканунѣ сего происшествія, но не открылъ ничего, чтобы могло совершенно оправдать ихъ. Однако я не могъ изгнать мысли, чтобы Кардиналь Николо не имѣлъ участія въ ужасныхъ сихъ произшествіяхъ.

„Я хотѣлъ сперва обвинить его явно предъ судомъ; но великое уваженіе, какое имѣли къ нему судьи, заставило меня оставить сей планъ, который безъ сомнѣнія обратился бы въ мою гибель. Инквизиція, учрежденная Палло Иннокентіемъ III и упвер-

жденная Лапранскимъ соборомъ, разпространяла ужасъ свой по всей Италіи, а особливо въ Римѣ, гдѣ она была орудіемъ частной ненависти и мщительности духовенства.

„Какъ скоро позволили мнѣ раны мои, я поѣхалъ въ Римъ. Тамъ узналъ я, что Кардиналь Николо послѣ жестокаго кризиса избавился отъ опасной болѣзни, приведшей его къ дверямъ гроба, и что совершенному его выздоровленію препятствуетъ безлокойство, причиненное скрытіемъ его племянника, Герцога Гонзари, котораго съ самаго отъѣзда изъ Виллы Севепы не видали въ Замкѣ Кардинала, и о которомъ, не смотря на всѣ поиски, не имѣли никакого извѣстія.

„Я узналъ также, что Кардиналь не хотѣлъ сперва

вѣрить слухамъ, носившимся о бракѣ племянника его съ дочерью Маркиза Алварони; но что, увѣрившись въ томъ, казалось, одобрялъ его и сожалѣлъ только, что не могъ обвѣнчать ихъ самъ по причинѣ своей болѣзни. Продолжительное отсутствіе Герцога, производившее въ Римѣ всеобщее удивленіе, казалось ему также натуральнымъ, попому что приписывалъ его желанію племянника провести первыя недѣли супружества съ женою своею въ деревнѣ. Но коль скоро распространился въ Римѣ слухъ о насильственной смерти Маркиза Алварони и похищеніи его дочери, то Кардиналь изъяснилъ глубочайшую гореснь, которой вообще и приписывали медленность его выздоровленія.

„Я старался нѣсколько разъ, но тщетно увидѣть Джіовани Малдиккини. Къ сему молодому человѣку, назначенному, какъ говорили, къ высочайшимъ спешенямъ и слѣдовательно занятому глубокими науками, которыя требовали уединенія, почти никого не пускали. Кромѣ того узналъ я отъ людей, привязанныхъ къ Кардиналу, что онъ посылалъ его во Флоренцію за нѣкоторыми дѣлами, касающимися до церковныхъ доходовъ, принадлежащихъ его покровителю.

„Я желалъ самъ пойти къ Кардиналу; но, предполагая его виновникомъ адскаго сего заговора, разсудилъ, что дружба моя къ племяннику его заспашилъ его бытъ осторожнымъ и малѣйшее неблаго-разуміе съ моей стороны навлеклобъ на меня гоненія,

кѣшорыя вѣрно разрушилибѣ мѣры, принятыя мною для полученія свѣдѣній объ участи моего друга и молодой его супруги. Подумавъ хорошенько, на что мнѣ лучше рѣшиться, я принялъ намѣреніе переодѣвшись, доспаль одежду нищенствующаго брата Святаго Креста и выучилъ успавы и обыкновенія бродящаго сего Ордена. Принявши сіе намѣреніе и не сказавъ о томъ никому, я выѣхалъ въ одинъ вечеръ при наступленіи ночи изъ Рима, остановился въ недалекомъ разстояніи отъ города въ лѣсу, находившемся на дорогѣ, и надѣлъ на себя новое свое одѣяніе. Я спрятавъ въ кустарникѣ снятое съ себя плащье и вышелъ изъ лѣсу на разсвѣтѣ, чтобы исполнить намѣреніе, внушенное мнѣ дружбою.“

Г Л А В А VIII.

Окончаніе рукописи.

„Поиски мои продолжались восемь мѣсяцовъ сряду, въ продолженіи копорыхъ осмотрѣлъ я Тоскану, Республику Венеціанскую, Пьемонтъ и Савою; опшуда по берегу Адриатическаго моря возвратился я въ Неаполь чрезъ Манфредонію, переплылъ Мессинскій проливъ и прошелъ всю Сицилію.

„Напрасно употреблялъ я золото и хитрость, чпобы получить какія-нибудь свѣдѣнія объ участи моего друга; часто почиталъ я себя близкимъ къ желаемой цѣди, но послѣ многихъ трудовъ видѣлъ себя еще далѣе отъ предмета моихъ поисковъ.

„Наскучивъ такими бесполезными усиліями, я оставилъ Сицилію, проѣхалъ Неаполь и возвратился въ Римъ; будучи неуспѣшенъ, что обманулся въ своей надеждѣ, впалъ я въ мрачную меланхолію. Потеря друга и несчастной его супруги не выходила изъ моихъ мыслей. Я былъ раздраженъ прошивъ злодѣяній и злобы людей и возмущался обществомъ, въ которомъ такія пресупленія оставались безъ наказанія. Монашеское плащье, находившееся на мнѣ, показалось мнѣ приличнѣе пятгоспному положенію моей души. Я рѣшился носить его и отказанъ отъ блистательныхъ связей, которыя могъ имѣть по званію моему. Я проводилъ цѣлые дни, предаваясь мрачнымъ размышленіямъ, или ходилъ

Одинъ по самымъ уединеннымъ окрестностямъ Рима.

„Въ одинъ вечеръ, какъ я вошелъ въ сей городъ послѣ уединенной прогулки, сложа руки и пошупя глаза, оспановился я въ церкви монастыря сестеръ де ла Пьета. Я ходилъ медленно по прекрасному сему зданію, разсматривая со вниманіемъ монументы, его украшающіе. Глаза мои обратились на великолѣпный мавзолей, по видимому недавно построенный. Имя Кардинала Николо Гонзари, написанное золотыми лиферами на мраморѣ, поразило меня удивленіемъ и дало знать, что смертные останки его находились въ сей гробницѣ.

„Прочтя снова сіе имя, затрепеталъ я опъ ужасныхъ воспомнаній. Я имѣлъ швер-

достъ прочесъ надпись, вырѣзанную на мавзолеѣ; она превозносила благородное происхожденіе и великія добродѣтели сего чловѣка.

„Боже! вскричалъ я въ полголоса, добродѣтели Кардинала Николо Гонзари! о Боже! не уже ли нѣтъ правосудія?“

„Развѣ нѣтъ Бога?“ отвѣчалъ явспѣнно голосъ.

„Я потчасъ обернулся и смотрѣлъ вокругъ себя. Одинъ только я находился въ церкви. Удивленіе мое было чрезмѣрно, и я не могъ понять, откуда выходили слова, мною слышанныя. Оборотясь къ мавзолею, примѣпилъ я подѣ, въ шѣни, окно съ рѣшеткою, коего прежде не видалъ. Это было окно залы, въ которую сеспры собираются во время службы; черный занавѣсъ, закрывающій

его снутри, былъ - немного приподнять. Я услышалъ еще голосъ, произносящій тихо: „Незнакомецъ!“ Я поспрѣль поближе и увидѣль женщину, дѣлающую мнѣ знакъ подойти. Я пошчасъ приблизился. Она подала мнѣ сквозь рѣшетку бумагу, копорую я взялъ, спряпалъ за пазуху и поспѣшилъ изъ церкви.

„Пришедши домой, поспѣшилъ я опкрыть шамн-свенный пакетъ и прочель слѣдующее при свѣтѣ лампы:

„Соспрадапельный незнакомецъ! именемъ милосердія и Спасителя міра, Кого носите Крестъ, просятъ васъ придти сего дня въ полночь къ рѣшеткѣ кладбища сего монастыря. Не опкажитесь, естли хотите заслужить награду, назначенную

сосп्राдапельному челоуѣку
въ будущей жизни.“

„Чтеніе сей записки
весьма меня пронуло; я рѣ-
шился соопвѣпствоватъ же-
ланію особы, писавшей оную,
и пришелъ въ назначенное
мѣсто прежде полуночи. Ча-
сы едва пробили послѣдній
ударъ, какъ запоры рѣшет-
ки кладбища опворились и
ша же монахиня, копорая
ввечеру вручила мнѣ записку,
дала мнѣ знакъ подойти. Я
вошелъ; она заперла рѣшет-
ку и повела меня въ галле-
рею со сводами, вдоль копо-
рой увидѣлъ я многія гроб-
ницы, украшенныя скульп-
пшурою, и простыя насыпи
съ каменными крестами,
скромныя могилы де ла Пі-
ета.

„Въ концѣ сей галлерей
монахиня вошла въ мона-
шырскую шрапезу, дѣлая

мнѣ знакъ идти за нею ; потомъ повернула на лѣво, отворила полуотворенную маленькую и низкую дверь и сошла въ залу, освѣщенную лампадою, на полу стоящую. Подлѣ лампы стояла ивовая корзинка, которую монахиня мнѣ показала и съ великою нѣжностію препоручила. Тогда, взявши Распятіе, висѣвшее на ея поясѣ, сдѣлала она мнѣ знакъ спастись подлѣ нее на колѣни и велѣла прочесть сію кляпву, которую она произнесла пронатымъ голосомъ, возведя къ небу глаза, омоченныя слезами :

„Клянусь воспоминаніемъ
 „той, которая породила меня,
 „и чувствомъ спраданій,
 „которыя должна вынести
 „несчастная, принужденная
 „удалиться отъ себя дитя,
 „произведенное ею на свѣтъ,

„воспитать и покровитель-
 „ствовать невинному шво-
 „ренію, ввѣряемому моимъ по-
 „печеніямъ; я обѣщаю это
 „милосердому Богу, умершему
 „за грѣхи наши, обѣщаю
 „это небу, гдѣ записана сія
 „клятва, и которое нѣкогда
 „потребуешь у меня опречта,
 „какимъ образомъ я испол-
 „нилъ это.“

„Попомъ монахиня вспа-
 ла и взяла корзинку, и сняв-
 ши съ нее покрывало, пока-
 зала мнѣ прекраснаго сонна-
 го ребенка, одѣятаго въ бо-
 гатыя пеленки. Я думалъ,
 что дитя сіе произведено на
 свѣтъ за нѣсколько часовъ
 предъ симъ какою-нибудь не-
 щасною монахиною, кошо-
 рая заплакишь за свой про-
 ступокъ медленною и болѣз-
 ненною смертію, или по
 крайней мѣрѣ вѣчнымъ запо-
 ченіемъ въ ужасную пещницу.

„Монахиня смотрѣла сперва на невинное дитя, орошая его слезами; потомъ взглянула на меня съ безпокойствомъ. Я угадалъ, что значилъ сей взглядъ, и поспѣшилъ ее успокоить.

„Не бойтесь ничего, сударыня, сказалъ я ей: я умѣю исполнять правила милосердія и челоуѣколюбія. Клянусь вамъ всѣмъ, что есть свято, не оставялъ никогда нещаснаго, котораго Небу угодно было опудать на мои руки, и служилъ ему опцемъ.“

„Возвращитесь, прибавилъ я, взявши корзину на руки, къ нещасной его матери, которой горестъ я живо оплакиваю, и успокойте ее въ разсужденіи участи злополучной отрасли, которую необходимость принуждаетъ опторгнуть опъ груди матери. Скажите, что я

научу сына ея почитать ея нещастія и сдѣлаюсь чрезъ добродѣтели свои достойнымъ соединиться съ нею въ небесныхъ жилищахъ. Да облегчишь увѣреніе сіе печаль ея!“

„Когда я оканчивалъ сіи слова, раздался звонъ колокола.

„Звоняшъ! вскричала монахиня, убѣжимъ скорѣе, или мы погибли.“

„Монахиня возвратилась по слѣдамъ своимъ съ поспѣшностію, осмапириваясь всюду съ безпокойствомъ; потомъ, подошедши къ двери кладбища, вручила мнѣ ящичекъ и, поклонившись, заперла рѣшетку и оставила меня одного со увѣреннымъ младенцемъ.

„Я поспѣшилъ къ своему жилищу, заперъ съ великимъ стараніемъ двери и опустил занавѣсы, и шоропился осмо-

прѣшь ящичекъ. Я нашель въ немъ большія драгоцѣнности и сверхъ того довольно толстый пакетъ, адресованный на имя брата нищаго Свяпаго Креста. Я распечатавъ его и увидѣлъ подъ оберпкою другой запечатанный пакетъ, на которомъ написано было слѣдующее:

„Великодушный незнако-
 „мецъ! заклинаю тебя пѣшь,
 „что для тебя любезнѣе все-
 „го на свѣпѣ, сохранить дни
 „нещастнаго младенца, ко-
 „шорый есть плодъ добродѣ-
 „шельной и законной любви.
 „Прими за сію услугу и въ
 „залогъ большей награды зо-
 „лото и бриліаншовый эк-
 „ранъ, находящіяся въ семъ
 „второмъ пакетѣ. Письмо,
 „въ немъ заключающееся,
 „должно быть отдано вмѣс-
 „пѣ съ младенцомъ благород-
 „ному Графу Овимо изъ горо-

„да Таренша, который на-
 „градилъ тебя щедро за
 „труды. О есиѣмъ бы я мо-
 „гла доказать тебѣ когда-ни-
 „будь свою благодарность!
 „да услышитъ Небо объпы
 „мои и жаркія молитвы, ко-
 „порыя буду я возсылать къ
 „Нему о твоемъ благополучіи!“

„Я распечаталъ поспасъ
 впервой пакетъ и находив-
 шеея въ немъ письмо. Оно
 было такого содержанія:

Милоспивый Государь мой!

„Чувствва ненарушимаго
 „почпенія и нѣжная привя-
 „занность, копорую питалъ
 „къ вамъ всегда супругъ мой,
 „Герцогъ Гонзари, внушили
 „миѣ намѣреніе препоручить
 „вашимъ попеченіямъ и со-
 „жалѣнію залогъ дражайшаго
 „и нещаснѣйшаго союза.
 „Опасаясь впрочемъ, чтобы
 „великодушіе вашего харак-
 „тера не побудило васъ при-

„нятъ мѣры можешъ быть
 „безразсудныя, или скоропо-
 „спижныя, осмѣливаюсь для
 „собственнаго вашего и мла-
 „денца моего спасенія начер-
 „тать вашу путь, копорый
 „долговременныя размышле-
 „нія заспавляютъ меня по-
 „чищать благоразумнѣйшимъ
 „и сообразнѣйшимъ съ об-
 „стоятельствами. Заклинаю
 „васъ согласиться послѣдо-
 „вать оному, или невин-
 „ность навсѣгда погибнетъ.“

„Во первыхъ отвезите
 „сына моего тотчасъ далеко
 „отъ береговъ Испалім; пору-
 „чите вѣрному и надежному
 „человѣку являться въ пер-
 „вую субботу каждаго мѣсяца
 „въ полночь къ рѣшеткѣ клад-
 „бища монастыря де ла Пие-
 „та, для полученія и доста-
 „вленія къ вамъ моихъ писемъ.
 „Я уведомлю васъ, когда на-
 „ступитъ время дѣйстви-

„вашь прошивъ моего и мужа
 „моего гонимела. Когда об-
 „вините вы его предъ судомъ
 „Инквизиціи и опмсните
 „ему; но именемъ дружбы
 „прошу васъ дожидаться въ
 „молчаніи благопріятной сей
 „минуты: дѣло идетъ о моей
 „и вашей жизни, попому
 „что виновникъ нашихъ бѣдъ-
 „ствій пользуется великою
 „властію и силою и занима-
 „етъ въ семь судилищѣ важ-
 „ное мѣсто. Малѣйшая не-
 „осторожность погубитъ
 „безъ всякой пользы васъ и
 „невиннаго сироту, для ко-
 „торого испрашиваю мило-
 „спиваго вашего покрови-
 „тельствва и ненарушимой
 „тайны.“

*Розанна Валенца, Гер-
 цогиня Гонзари.*

„Пораженный сею чуде-
 сною встрѣчею и удивляясь

непроницаемымъ путямъ Провидѣнія, я приготовлялся исполнить приказанія супруги несчастнаго моего друга.

„На другой же день, сыскавъ людей, нужныхъ для смотрѣнія за милымъ младенцемъ, я увезъ его тайно въ Тарентъ, куда прибылъ благополучно. Тамъ занимался я два дни приготовленіями къ выполненію моего плана; я послалъ также въ Римъ стараго дворецкаго, вѣрнаго слугу отца моего, поручивъ ему являться каждый мѣсяцъ на кладбищѣ де ла Піепскаго монастыря и доставлять мнѣ пошчасъ въ Эдимбургъ съ нарочнымъ судномъ письма, которыя онъ получилъ. Я рѣшился удалишься съ драгоценнымъ залогомъ, мнѣ ввѣреннымъ, въ сей городъ.

„Сдѣлавши сіи распоряженія, отправился я въ Шот-

дандію съ юнымъ наслѣдникомъ знамениаго дома Гонзари и прибыль въ оную въ совершенномъ здоровьѣ.

„Во время пребыванія моего въ Эдимбургъ старой дворецкой переслалъ мнѣ письмо непріятнаго содержанія при слѣдующей запискѣ:

Ваше Сіятельство!

„Послѣдую приказанію вашему, являлся я аккуратно въ назначенное время къ рѣшешкѣ кладбища де ла Піетскаго монастыря, но никогда не получалъ ожидаемыхъ писемъ. Вотъ первое, поданное мнѣ, и я спѣшу опсправить его къ вамъ.“

Письмо было слѣдующаго содержанія:

Графъ!

„Страшное гоеніе невинности еще не прекра-

„щается. Съ великимъ тру-
 „домъ отправляю къ вамъ сіе
 „письмо, которое увѣдомишь
 „васъ только, что несчастная
 „Герцогиня Гонзари увезена
 „вдругъ изъ де ла Пьетскаго
 „монастыря по приказанію
 „начальства. Одинъ Богъ зна-
 „етъ, куда дѣвали ее. Кто
 „увиѣшишь ее теперь въ го-
 „рести? кто облегчишь ея
 „спраданія? Поспѣшите,
 „Графъ, къ ней на помощь.
 „Молю Бога о дарованіи вамъ
 „благополучнаго пупи и со-
 „храненіи жизни вашей. Увы!
 „я могу только молиться за
 „нее и несчастнаго младенца,
 „котораго я имѣла щастіе
 „сохранить отъ неизбѣжной
 „смерти.“

*Маргарита, сестра
 де ла Пьетскаго мо-
 настыря.“*

Письмо сіе побудило меня потчасъ выѣхать изъ Шотландіи. Я рѣшился пренебречь совѣтами слишкомъ робкаго благоразумія, поклялся приподнять тайноспивенную завѣсу, скрывающую смерть моего друга, и избавить несчастную вдову его отъ ужаснаго гоненія. И такъ я сдѣлалъ наскоро нужныя распоряженія, и потчасъ послѣ того оставилъ Эдмбургъ; сѣлъ на корабль въ Бервичъ, и воспользовался первымъ способнымъ въпрямь, чтобы ѣхать въ Италію.

Въ семь мѣстѣ черта перомъ и остатокъ. бѣлой спираницы показывали конецъ рукописи. Но Губерто, въ задумчивости, устремляя глаза на послѣднюю спираницу, казалось, продолжалъ свое чтеніе; наконецъ невольнымъ движе-

нѣмъ перевернулъ листъ, который машинально вертѣлъ въ рукахъ. Позади оной написаны были сіи слова:

„Такова, Милордъ, горестная исторія, обѣщанная вамъ мною! Теперь вы знаете точно такъ, какъ я самъ, все, что произошло во время пребыванія моего въ Шотландіи, и потому я разска- залъ о томъ всколзь. Что же касается до происше- ствій, случившихся по возвращеніи моемъ въ Испанію, упоминаемое мною первое письмо содержитъ въ себѣ всѣ подробности. Я сообщалъ въ немъ о намѣреніяхъ моихъ и хочу исполнить ихъ. Близокъ часъ, который рѣшитъ, опомщу ли я знаменитыхъ друзей своихъ, или погибну съ ними. Во всякомъ случаѣ, Милордъ, примите увереніе въ ненаруши-

„мой приверженности и вѣч-
ной признательности

„Графа Озимо.“

По прочтеніи рукописи, Авинцо положилъ ее передъ собою и задумался. То сожалѣлъ онъ объ участи Гонзари, то удивлялся пошашенному дружеству и великодушной преданности Графа.

„Великодушный человекъ! говорилъ онъ самъ себѣ, кто не приметъ участія въ благородныхъ твоихъ подвигахъ! кто не пожелаетъ тебѣ успѣха! Но не подвергай опасности своей жизни; ели ты погибнешь, кто опомнится за несчастныхъ супруговъ? кто сохранитъ сіе дѣло, вѣренное торжественно твоимъ пощеніямъ?“

Особенно младенецъ возбуждалъ его сожалѣніе. Увы! не сирота ли онъ самъ? и ели бы не добрый Алзар-

ро, о которомъ онъ всегда помнилъ и любилъ его какъ отца, но кто бы принялъ попеченіе о малолѣтствѣ его? но что сдѣлалось съ самимъ Алзарромъ?

При воспоминаніи объ Алзаррѣ Губерто остановился вдругъ, какъ бы пораженный внезапнымъ свѣтомъ. Воображенію его представились главныя приключенія его дѣтства и подробности, сообщенныя ему передъ смертію Гвм. Макдональдъ. Онъ нашелъ нѣкоторое сходство съ главными происшествіями брошенной имъ исторіи.

„Въ самомъ дѣлѣ, думалъ про себя Губерто, Алзарро былъ Италіанецъ: онъ привезъ меня въ Шотландію изъ Рима: съ убедительными просьбами поручивъ меня по-

кровипельству Сирь Аллана, отправился попомъ въ Италию. О! никогда не забуду я шротпельнаго прощанія его.“

Но кто таковъ былъ Графъ Озимо? какое отношеніе могло быть между Алзарромъ и симъ Графомъ? Правда, что письмо, присовокупленное къ рукописи, заставляло подозрѣвать какую-то тайну, но не изъясняло оной. Но впрочемъ къ Сирь Аллану ли былъ адресованъ сей манускриптъ и сопровождающее его письмо, не было ни числа, ни надписи. Въ семь пунктѣ Авинцо не могъ удовлетворить своего любопытства.

Между тѣмъ наступила ночь; Губерто вышелъ наконецъ изъ задумчивости и рѣшился лечь спать. Послѣ нѣсколькихъ часовъ безпокойнаго сна всталъ онъ рано по

ушру и началъ перечитывать рукопись и письма, сличая ихъ съ листочками, копорые оставила ему Лади Макдональдъ. Онъ пересмотрѣлъ снова съ великимъ вниманіемъ бумаги свои, надѣясь найши въ нихъ первое письмо Графа Эдмунда, или по крайней мѣрѣ какія-нибудь свѣдѣнія, могущія подать ему объясненія, но тщетно. Онъ спрашивалъ спараго слугу, хранившаго сіи бумаги; но сей не зналъ ни времени, ни мѣста, когда и гдѣ рукопись и письма попались въ руки ему, или Сирю Аллану Макдоналду.

Уставши наконецъ отъ безполезныхъ поисковъ и мыслей, можетъ быть химерическихъ, Авинцо, по прошествіи нѣсколькихъ дней, рѣшился забыть сію рукопись и удалить изъ своего воображенія тщетное сожалѣніе и

пустую надежду, копорья
полько его превожили. Въвѣ-
рять Высочайшей Власти,
проведшей его среди поли-
кихъ опасныхъ положеніи,
вспомнилъ онъ съ признапель-
ностію о всѣхъ благодѣліяхъ,
полученныхъ имъ отъ Нее, и
предаль Ей судьбу свою. Это
было въ скоромъ времени по-
слѣ того, когда Авинцо, какъ
мы сказали уже выше, мучи-
мый болѣе, нежели когда-ли-
бо, воспоминаніемъ молодой
незнакомкѣ монастыря Свя-
таго Колумба и безпокоясь о
ея участи, получилъ позво-
леніе отъ Короля Роберта
Брюса выѣхать изъ Шотлан-
діи, и сѣлъ поспѣшно на ко-
рабль для возвращенія на
островъ Оронцо.

Г Л А В А IX.

Въ довольно короткое время, которое однакожъ, по неперпѣливости Авинца, показалось ему весьма продолжительнымъ, прибылъ онъ наконецъ благополучно къ берегу споль желаннаго острова Орэнцы. Первымъ его стараніемъ, вышедши на берегъ, было опыскать рыбаковъ, оказавшихъ уже ему одинъ разъ гостепріимство. Онъ получилъ отъ нихъ слѣдующія увѣдомленія :

Тотчасъ по отъѣздѣ Короля Роберта Брюса и спутниковъ его, которыхъ разкащикъ называлъ чужеспранцами, толпа солдатъ внезапно разбудила жишелей и освидѣтельствовала хижины ихъ. Одного изъ нихъ не было дома; это заспавило

заклучить, что онъ на морѣ, и что бѣглецы уѣхали съ острова на его баркѣ, въ слѣдствіе чего малое транспортное судно съ вооруженными людьми погналось за ними, но на разсвѣтѣ возвратилось, потому что штурманъ не хотѣлъ ѣхать по сему проливу, наполненному мѣлями и многими подводными камнями, дѣлавшими его непроходимымъ для всякаго, кромѣ жишелей, привыкшихъ съ самаго дѣтства плавать по оному.

Въ продолженіи дня Настоятель Гондецъ объявилъ жителямъ, чтобъ они, подъ опасеніемъ спрожайшаго наказанія, захватили рыбака, по возвращеніи его, и привели связаннаго въ монастырь Святаго Колумба; но бѣдняки опасаясь, что Аббатъ будетъ мстить ихъ товарищу,

посадили посихоньку жену его и дѣшей на барку и поручили одному изъ своихъ проводить ихъ къ нему на встрѣчу. Они встрѣтили Алберта Логана, какъ онъ подъѣзжалъ къ Оронцѣ, и увѣдомили его о предстоящей ему опасности. Онъ, посадивъ къ себѣ въ барку жену и дѣшей и поблагодаривъ поварица за важную сію услугу, сказалъ ему, что получилъ довольно золота, сдѣлавъ ему небольшой подарокъ и, взявши другое направленіе, удался навсегда отъ Оронцы.

Гондецъ, обманувшись въ своемъ мщеніи, обратилъ его на несчастныхъ жипелей, копорые сносили отъ него великія приписанія. Черезъ три дня послѣ того войска сѣли на корабли и поплыли прямо къ Англіи. Съ того

времени къ острову приста-
вали только рыбачьи лодки.

Губерто вошелъ въ одну
хижину для проведенія ночи
и сдѣлалъ еще нѣсколько во-
просовъ на счетъ отца Абба-
та, на которые хозяинъ его
не хотѣлъ сперва отвѣчать.
Но побуждаемый Авинцомъ и
ободренный опкровеннымъ его
видомъ, рыбакъ разсказалъ
ему, сколько они терпяшъ
отъ жестокости и злобы Гон-
деца и сколько онъ за пиран-
ство свое сдѣлался имъ нена-
вистенъ. Онъ сказалъ ему
также за пріятную новость,
что любимый наперсникъ
его, Джонъ Думбаръ, умеръ
наканунъ и долженъ быть
похороненъ сію же ночь на
монастырскомъ кладбищѣ.

Послѣднее сіе обстоя-
тельство обрадовало нѣсколь-
ко Губерта, который радо-
вался, что избавился столь

опаснаго наблюдателя, который бы могъ помѣшать исполненію его намѣренія. Узнавши, что погребеніе монаха будетъ въ одиннадцать часовъ, за часъ до ночной службы, Авинцо разсудилъ, что ему надобно идти чрезъ подземелья, въ которыхъ должно стоять шѣло, и что тогда присутствіе монаховъ сдѣлаеть проходъ шуда невозможнымъ, или по крайней мѣрѣ опаснымъ и труднымъ. Онъ рѣшился идти поспѣшь въ церковь. Въ слѣдствіе сего, сказавши хозяину и двумъ слугамъ, чтобы они не беспокоились о его отсутствіи, оставилъ онъ хижину и пошелъ къ лѣсу.

Мрачная завѣса ночи начинала покрывать землю и пошепеляла мало по малу мерцающей свѣтъ склоняющагося дня! Облака, шедшія мед-

ленно по горизонту, расходясь, являли по временамъ блѣдный кругъ луны. Глухой шумъ въпра раздавался въ лѣсу, по опушкѣ кепорого шель поспѣшно Губерто. Подходя къ пощаенной двери, ведущей въ монастырь, Авинцо почувствовалъ внезапное содроганіе, подумавъ, что она можетъ быть заперта снупри, и такимъ образомъ онъ лишился средспвъ освободить незнакомку.

Безпокойство и неперпѣливость заставили его удвоить шаги. Онъ подошелъ къ двери и, взявшись за нее рукою съ препенемъ, отворилъ ее и вошелъ въ проходъ подъ олшаремъ кладбища.

Губерто затворилъ дверь, задвинулъ оспорожно запоры и вошелъ въ подземелье, назначенное для погребенія Аббата Святаго Колумба.

Глубокая темнота, въ коей все находилось, причинила ему много труда при отысканіи дороги посреди подземельевъ, назначенныхъ для погребенія прочихъ монаховъ. Наконецъ онъ нашель ее, прошель ихъ скоро и достигъ лѣспницы, вверху копторой находилась желѣзная рѣшетка, ведущая въ галлерей. Тамъ остановилъ ся онъ на нѣсколько минутъ, дабы узнать, сколько могъ, не заспанеть ли его кто-нибудь. Онъ вслушивался; глубочайшее молчаніе, повсюду царствовавшее, успокоило его. Тотчасъ перецѣпалъ онъ засовы, вынулъ седьмой, оплерь рѣшетку и очутился въ галлерей.

Авинцо пошелъ тотчасъ въ церковь и спрячался въ самой дальней часовнѣ. Онъ уже въ ней долго находился, какъ услышалъ въ обыкно-

венный часъ, что дверь, которою онъ вошелъ, отворилась, и Настоятель Гондецъ подошелъ медленно къ главному олтарю, подъ которымъ по обыкновенію пошчасъ скрылся.

Губерто долго оставался въ томъ же мѣстѣ, предаваясь жесточайшему неперпѣнію. Безпокоясь, что не видитъ никого, онъ вышелъ наконецъ и подошелъ къ рѣшеткѣ крылоса. Все было тихо, и сіе мрачное уединеніе освѣщалось только слабымъ и неподвижнымъ свѣтомъ лампы, опирававшимся на Распятіе, коимъ украшался олтарь.

Часъ приближался, а желаемый предметъ не представлялся взорамъ Авинца, который, успремивъ ихъ неподвижно на святилище, предавался самымъ горестнымъ мыслямъ и опасеніямъ.

То воображалъ онъ, что незнакомка погибла, какъ жертва шайнственнаго и варварскаго заключенія, на которое, казалось, была она осуждена; но спрашился, чтобы отецъ Аббапъ не успѣлъ въ безчестномъ своемъ намѣреніи и чтобы не лишился ее навсегда. Тщешно слава говорила его сердцу, щешно напоминала она ему услуги, оказанныя имъ Королю и поварищамъ его оружія; онъ упрекалъ себя, что оставилъ безъ помощи, безъ покровительства, въ спрашномъ монастырѣ, во власпитнаго и жестокаго монаха ту, которая для него была дороже собственнаго жизни. Угнетаемый сожалѣніями и упреками совѣсти, несчастный Губертъ ходилъ по церкви скорыми шагами и предавался опчаянію, какъ внезап-

ный шумъ поразилъ его слухъ и напомнилъ о собственной опасности. Вслушиваясь, различилъ онъ ясно походку многихъ людей. Вскорѣ послѣ того дверь, ведущая въ галерею, отворилась, и онъ увидѣлъ монаховъ, идущихъ къ крылосу въ обыкновенномъ порядкѣ, для опправленія ночной службы.

Авинцо едва успѣлъ убѣжать и спрятавшись въ оппдаленной часовнѣ. Такъ какъ онъ лишился надежды, чптобы незнакомка пришла въ эту ночь, то оснавилъ скоро свое убѣжище, оппорожно дошелъ до галереи и спустился съ лѣспницы подъ своды. Когда онъ достигнулъ подземельевъ, то слабые лучи свѣта поразили его глаза. Онъ остановился, чптобы оппкрыть причину оному, и потомъ пошелъ тихо вдоль стѣны. Но-

дойдя ближе, увидѣлъ онъ шло монаха, недавно посланное на камнѣ въ подземельѣ. Онъ предполагалъ, что это Джонъ Думбаръ; но капишонъ, опущенный на лице, не давалъ видѣть его. Подлѣ него лежало Распятіе и чепки и горѣла маленькая глиняная лампада, копорой слабый свѣтъ увеличивалъ еще болѣе мрачный видъ горестнаго сего мѣста.

Губерто послѣшно удался отъ сихъ мѣстъ, безпрепятственно дошелъ до лѣсу и до разсвѣту еще возвратился подъ гостепріимный кровъ рыбацкой хижины.

Горестъ и безпокойство удаляли сонъ отъ глазъ его; однакожъ онъ имѣлъ еще лучъ надежды. Въ сію самую ночь Гондецъ не дѣлалъ ли обыкновеннаго своего посѣщенія? Ибо, если бы прекрасная

незнакомка не жила уже въ скрыпныхъ подземельяхъ монастыря, какая причина побудилабъ Гондеца посѣпить тайно по обыкновенію мрачное сіе жилище?

Колеблемый неизвѣстностію, Авинцо долго предавался горестнымъ мыслямъ, волновавшимъ душу его. Долго пропивился онъ прелестьмъ сна, который прекратилъ на нѣсколько минутъ печаль его и перенесъ въ счастливыя обласпи надежды и благополучія.

Слѣдующій день провелъ Авинцо, выдумывая на скорую руку многіе планы, которые почти потчасъ ссавлялъ какъ безразсудные, или невозможные. Ночь наступила, а онъ ни на что еще не рѣшился. Единственнымъ предпріятіемъ его было возвращеніе въ монастырь, чтобы

увидѣть, не покажется ли ему прекрасная незнакомка.

И такъ Губерню пошелъ топчасъ къ монастырю, прошелъ подземелья, галереи и спрятался въ церкви, гдѣ по обыкновенію увидѣлъ проходящаго Настоятеля Гондеца. Но тщетно глаза его сморгъли приспально на крылось; та, которую они съ такимъ нетерпѣніемъ искали, не являлась. Авинцо, въ опчаяніи, оставилъ монастырь во время полунощной службы и побѣжалъ предаться гореспи своей въ хижину рыбаковъ.

Опчаяніе внушало ему самыя опважныя и дерзкія предпріянія; но воспоминаніе перваго своего заключенія въ монастырь и спасеніе любовницы его отвращали его скоро отъ оныхъ. Размышленіе убѣдило его, что, подпавши власпи звѣрскаго Гонде-

ца, онъ лишилъ себя средствъ освободить ее. То хотѣлъ онъ просить помощи у отца Антонія, но желалъ адресоваться къ тому, который открылъ ему съ такою тайною монастырскіе входы; но ему было равно невозможно видѣть, или переговорить съ какимъ-нибудь изъ сихъ монаховъ, а особливо съ послѣднимъ, лице котораго было ему совсѣмъ неизвѣстно.

Посреди сихъ печальныхъ размышленій часы, казалось, шли для него съ несносною медленностію, и онъ ожидалъ съ неперпѣніемъ возвращенія такого мрака ночи, чтобы идти въ монастырь, хотя еще ни на что не рѣшился.

Намѣрень будучи однако употребить всѣ средства, которыя внушаютъ ему хитрость, дерзость, или случай для освобожденія прекра-

оной незнакомки, Авинцо поспѣшно пошелъ въ монастырь и принявъ обыкновенныя предосторожности, спалъ въ одной изъ часовень церкви Святаго Колумба.

Г Л А В А X.

Ночь была темная, вѣтеръ ужасный, дождь стучалъ въ окно часовни, огонь лампы, горѣвшій передъ главнымъ олтаремъ и колеблемый сильно вѣтромъ, изливалъ прелестную свѣтъ, освѣщавшій по временамъ часть обширнаго зданія. Между тѣмъ Губерто, закутавшись въ широкій плащъ, думалъ о среднствахъ успѣть въ своемъ предпріятіи.

Въ обыкновенный часъ отворилась церковная дверь

и вошелъ опецъ Аббатъ ,
подходя медленно къ крылосу.
Лампада , которую держаль
онъ въ рукѣ , свѣтила ему
прямо въ лице и дозволяла
Губерну рассмотреть оное.
Звѣрская и злобная радость
и холодная жестокость были
начертаны на ономъ. Физи-
огномія его , ужаснае обыкно-
венной , показывала адъ , имѣв-
шійся въ душѣ его ; а огонь ,
сверкающій въ глазахъ его ,
предсказываль какое - нибудь
пагубное намѣреніе. Онъ про-
износилъ невнятные слова ,
которыхъ не могъ разобрать
Губерну по причинѣ ослыде-
нія. На пупи своемъ отъ цер-
ковной двери до свѣщальца
оспанавливался онъ нѣсколь-
ко разъ , поднося руку ко лбу ,
какъ обыкновенно дѣлаеть
человѣкъ , погруженный въ
глубокое размышленіе ; нако-

нецъ, достигнувъ олшаря, исчезъ по обыкновенію.

Въ ту же минуту Губерто, не зная самъ что дѣлалъ, пошелъ поспѣшно къ крылосу и подходилъ уже къ рѣшеткѣ, какъ оspanовило его вдругъ внезапное размышленіе. Онъ побѣжалъ въ маленькую часовню, взялъ лампаду, которую зажигали въ ней во время службы, и возвратился къ рѣшеткѣ крылоса. Афинцо замѣшивъ, что отецъ Аббать не повернулъ ключа въ другой разъ въ замкѣ; онъ протянулъ руку сквозь рѣшетку, отодвинулъ задвижку и вошелъ топчасъ на крылосъ.

Губерто, не теряя времени, подошелъ топчасъ къ главному олшарю; но тщетно искалъ въ немъ прохода. Вдругъ вспомнилъ онъ о потайныхъ панеляхъ въ подземельяхъ. Тогда подавши об-

сильно въ разныхъ мѣстахъ рукою и почувствовала, что большая панель, кою она сперва не примѣтила, поддалась назадъ. Она была почти одинакаго рода съ прежнею, выключая того, что сдѣлана съ большимъ искусствомъ. Панель сія была вытесана изъ камня и вдѣлана въ полстую желѣзную раму, для отвращенія всякаго подозрѣнія и чтобы лучше обмануть незнающихъ сей хитрости. Преодолевъ сіе препятствіе, Губертъ увидѣлъ передъ собою узкую и темную каменную лѣстницу; онъ побѣжалъ зажечь лампаду, взявшаю имъ съ собою, въ главный олтарь, возвратился къ открытому имъ проходу, заперъ панель за собою и сошелъ тихо по ступенямъ.

Внизу оной находился длинный и узкій проходъ,

въ которомъ лампада его, едва
опгь сырости горѣвшая, слабо
освѣщала путь его. Въ концѣ
прохода нашель онъ довольно
обширное подземелье, къ ко-
ему примыкались при огром-
ныхъ галлерей со сводами, пе-
рившіяся изъ виду въ раз-
ныхъ направленіяхъ; но, не
зная, въ которую идти, Гу-
берто легъ на землю и при-
ложилъ ухо къ полу, дабы
услышати, еспь ли можно,
шаги опца Аббата, но пше-
пно. Глубокое молчаніе, подоб-
ное безмолвной смерти, цар-
ствовало въ сихъ мѣстахъ.
И такъ онъ рѣшился пойти
наудачу въ которую - нибудь
изъ сихъ галлерей.

И мѣя пупеводителемъ
одну надежду, Губерто вошелъ
въ находящуюся передъ нимъ
и дорогою примѣчалъ, не оп-
кроесть ли какого-нибудь под-
земелья или отверстія, но

видѣлъ только однѣ печальныя стѣны, покрытыя зеленымъ и влажнымъ мхомъ. Наконецъ нашелъ онъ другую узкую лѣстницу, съ которой также спустился и прошель въ другія подземелья, еще сырѣе и нездоровѣе прежнихъ, копорыя показались ему совершенно посторонними главному предмету его поисковъ.

Уставши ходить бесполезно подъ пустыми сводами, Авинцо хотѣлъ ворошиться потчасъ назадъ, чтобы осмотрѣть другія галлерей. Онъ уже удалялся, какъ услышалъ глухой болѣзненный стонъ. Плачевный звукъ сей произвелъ надъ неуспрашимую душу юноши внезапное впечатлѣнiе, поразившее его ужасомъ.

Неподвижный и окаменѣвшій Авинцо долго прислушивался, не повторится

ли шумъ сей. Не слыша ничего болѣе и опомнясь отъ изумленія, онъ думалъ, что ошибся. Онъ приписалъ свое заблужденіе безпокойству и волненію мыслей; но другой стонъ, еще жалобнѣе, снова нарушилъ ужасное безмолвіе сихъ мѣстъ.

Авинцо обернулся и пошелъ скоро къ мѣсту, откуда казалось, происходилъ сей звукъ. Онъ вошелъ опять въ оснавленные имъ подземелья, увидѣлъ въ концѣ ихъ погребъ, вошелъ въ него и нашелъ въ углу человѣческое тѣло, разпростертое безъ движенія на полу.

Губерто сдѣлалъ нѣскольکو шаговъ и чуть не упалъ, споткнувшись ногою о широкое желѣзное кольцо, вдѣланное въ камень погребѣ. Толстая цѣпь, привязанная крѣпко къ рукамъ несчастнаго,

была прикрѣплена къ нему. Губерно подошелъ и узналъ монашеское плащье сей обители. Лице незнакомца было спрятадо въ складкахъ плащья его. Губерно сталъ говорить съ нимъ, но получилъ въ отвѣтъ только глубокой стонъ. Тогда онъ открылъ его плащье и узналъ съ чрезвычайнымъ удивленіемъ, не смотря на ужасную перемену лица его, гнуснаго наперсника Гондесдра, страшнаго Джона Думбара.

При семъ неожиданномъ зрѣлищѣ Авинцо отскочилъ отъ ужаса; онъ оставался нѣсколько минутъ неподвижнымъ, волнуемый пятоспными и смѣшанными чувствами; но вскорѣ челоѣколюбіе взяло верхъ въ его сердцѣ. Онъ старался приподнять умирающаго монаха, котораго, смотря на него блуждающими

взорами, пропянуль съ прудомъ руку къ споренѣ погребѣ, гдѣ молодой человѣкъ примѣшилъ въ углу нѣсколько пищи и воды, на землѣ лежащихъ. Онъ побѣжалъ туда и подаль ихъ монаху, который схватилъ ихъ съ восхищеніемъ и началъ пожирать съ необычайною жадностію. Губерто, опасаясь послѣдствій сей жадности, оставилъ ему только одну часпѣ, а остатокъ взялъ.

„Ради Бога, сказалъ ему монахъ слабымъ голосомъ, дай мнѣ упомишь пожирающій меня голодь. Два дни и преночи я не принималъ никакой пищи.“

— Успокойся, отвѣчалъ ему Губерто, малѣйшее излишество умертвитъ тебѣ. Я пропизляюсь желаніямъ своимъ по словѣ колубію, а не по желюкости. —

Монахъ покачалъ головою и вздохнулъ, посмотрѣвъ съ жадностію на пищу, взятую Авинцомъ. Между тѣмъ послѣдній осмаприваль цѣпи, обременявшіе руки монаха. Онъ съ горестію увидѣлъ, что никакая человѣческая сила не можетъ снять ихъ безъ помощи инструменповъ. Также невозможно было вырвать кольца, задѣланнаго крѣпко въ огромный камень, составлявшій полъ погреба.

Насыпаясь мало по малу небольшими долями пищи, предспавленной ему Гебертомъ, Джонъ Думбаръ укрѣпился, и могъ ему разсказать, что отецъ Аббата приковаль его въ семь погребъ, гдѣ онъ долженъ былъ умереть съ голоду, и что для сдѣланія смерти его жесточайшею, Гондецъ изъ варварской предосторожности положилъ пи-

шу передъ глазами его, но такъ далеко, чтобы онъ не могъ достать ее. Слабость не позволила ему рассказать подробно о всѣхъ сихъ гнусностяхъ; а Губерто самъ не хотѣлъ обременять его многими вопросами. Разсмапривая сію темницу, Авинцо нацель лампаду, которая безъ сомнѣнія горѣла для того, чтобы злодѣйной нещасливецъ могъ видѣть средина къ продолженію своей жизни, которая адской духъ положилъ путь для увеличенія ужаса послѣднихъ минутъ его.

Губерто, видя совершенную невозможность освободить въ сію ночь Джона Думбара, совѣщивалъ ему предаться судьбѣ своей и обѣщавъ въ слѣдующую ночь освободить его. При сихъ словахъ монахъ обнаружилъ признаки величайшаго ужаса и ехавшилъ

изо всей силы молодого человека за руку, закричала съ испуганнымъ видомъ не осмачить его

„Ободрисъ и имѣй довѣренность, отвѣчала ему Губерто. Клянусь Божественнымъ нашимъ Искупителемъ, что сохраню твою жизнь и возвращу тебѣ свободу.“

Монахъ оставилъ Губертову руку, горестно застоналъ и упалъ на полъ въ ужаснѣйшемъ опчаяніи.

„Скажи мнѣ, продолжалъ Губерто, помолчавъ нѣсколько минутъ, можешь ли увѣдожить меня, — живешь ли еще въ семъ монастырѣ молодая женщина, которая имѣла обыкновеніе ходить по ночамъ въ часовню?“

Джонъ Думбаръ приподнял голову, посмотрѣлъ съ удивленіемъ на Губерта и отвѣчала :

— Она жила еще, когда безчеловѣчный Гондецъ схоронилъ меня здѣсь живаго; но теперь одинъ Богъ знаетъ, оставило ли ее въ живыхъ сіе чудовище, мучившее ее такъ долго. —

„Когда я возвращу тебѣ свободу, то положишь ли мнѣ освободить ее?“ спросилъ Губершо.

— Съ радостію, отвѣчала монахъ; я могу также погубить и безчестнаго гонителя ея. —

„Поклянись, что поможешь освободить ее.“

— Клянусь! — вскричалъ Джонъ Думбаръ съ глазами, сверкающими отъ ярости.

Авиццо далъ монаху еще нѣсколько пощичь, чтобы совершенно подкрѣпить его силы до будущей ночи. Потомъ положилъ опять остатокъ въ уголь темницы и спря-

сталъ подъ плашье монаха часпъ оной, уговаривая его ъсть по немногу и не спѣша. Онъ совѣщоваль ему также прибрати всѣ крѣшки обѣда и притворившись мертвымъ, когда Гондецъ придетъ удовольствоваться обѣ успѣхѣ своей жестокости.

Послѣ всѣхъ сихъ предосторожностей Губерто, по просьбѣ монаха и для успокоенія его, обѣщаль ему снова самымъ порожественнымъ образомъ возвратиться въ слѣдующую ночь для освобожденія его. Попомъ онъ взялъ лампаду и хопѣль выдши; но Джонъ Думбаръ позваль его опять къ себѣ, далъ ему знакъ подойти ближе и говорилъ слѣдующее:

„Ради Бога, рыцарь, выслушайте со вниманіемъ то, что я хочу вамъ сказать. . . . Не надѣйтесь освободить саѣ

ми шу, которую ищете. . . .
 Уйдите скорѣе пошатеннымъ
 ходомъ, приведшимъ васъ сю-
 да; я одинъ могу провести
 васъ шуда, гдѣ сокрыта не-
 знакомка опъ всѣхъ взоровъ,
 и помочь вамъ испоргнуть ее
 опшуда. Положишесь на кля-
 пву мою; дайте мнѣ испра-
 виль, чрезъ сіе доброе дѣло,
 поведеніе, досель весьма прес-
 сипупное, и спасни несчаст-
 ную, которую псгубяшь на-
 всегда дальнѣйшая медлен-
 ность и безразсудныя усилія.“

Наконецъ Авинцо оста-
 виль Джона Думбара. Онъ про-
 бѣжалъ галлерей, взошелъ на
 лѣспницы и достигнулъ глав-
 наго олшаря церкви. Тамъ
 прислушивался онъ и, не слы-
 ша никакого шума и голоса,
 заключиль, что монахи не
 приходили еще на молишву,
 и пошому погасиль онъ лам-

паду, которую держаль, оп-
 перь панель спѣнную, задви-
 нуль ее вспорожно и поспѣшно
 сошелъ съ крылоса, котораго
 рѣшетку заперь. Онъ кошаль
 поспавишь лампаду на по-
 мѣсто, откуда взяль, и рас-
 полагался идти въ галерею,
 какъ услышалъ шесивіе при-
 ближающихся монаховъ и едва
 ималь время скрышься, меж-
 ду тѣмъ какъ они по порядку
 входили въ церковь.

Когда они заняли обы-
 кновенныя мѣста на крыло-
 сѣ, то Губерно воспользо-
 вался сею минутою и ушелъ
 поспѣшно въ подземелья, для
 погребенія назначенныя. Лю-
 бовышество побудило взгля-
 нушь кимоходомъ на днимое
 тѣло Джона Думбара, что не-
 прудно было сдѣлать съ по-
 мощію споявшей подлѣ него
 лампы. Какое было его уди-
 вленіе, когда нашель пукъ

соломы, одѣтый въ монашескую рясу!

Онъ опять надвинулъ капюшонъ и ушелъ поспѣшно тѣнью проходомъ, ведущимъ въ лѣсъ. Пришедши скоро въ рыбацью хижину, съ воображеніемъ, исполненнымъ надежды, онъ предался спокойно пріятному сну.

Г Л А В А XI.

Когда Губертю оставилъ мрачную пещницу Джона Думбара, то сей почувствовалъ весь ужасъ своего положенія. Онъ не вѣрилъ, чтобы Авинцо возвратился, и оплакивалъ гибельную помощь, которая продолжала горестное его существованіе только для того, чтобы дать ему сильнѣе почувствовать послѣднія минуты болѣзненной смерти и

чтобы оставить его въ другой разъ на мученіе голода.

Иногда ободряли его любовь къ жизни и жажда къ мщению. Тогда, слѣдуя совѣтамъ Губерна, принималъ онъ опть времени до времени помаленьку пищу, ему оставленную, хотя чрезвычайный голодь побуждалъ его съ жадностію пожрать въ одинъ разъ оную.

Иногда думалъ онъ, что рыцарь вошелъ хитростію въ монастырь. Тогда снова предавался ужасу и увеличивалъ въ воображеніи своемъ препяшствія, которыя помышляютъ Авинцу сдержанъ свое слово. Въ самомъ дѣлѣ онъ вовсе не подозрѣвалъ открытіи, сдѣланныхъ послѣднимъ, и не зналъ, что знакомы ему всѣ мрачныя закоулки монастыря. Особливо удивлялся онъ, слыша опть

него о незнакомкѣ, существованіе которой было для всѣхъ, кромѣ его самого и Наспоятеля, непроницаемою тайною.

Посреди сихъ горестныхъ мыслей, въ часъ полуночи, послѣ ношной службы, Джону Думбару послышалось, что кто-то идетъ къ нему; поспѣшась бросился онъ на землю въ положеніи мертвѣго человека и, закрывъ глаза, ожидалъ прищесивія Гондеца, или возвращенія Авинца, котораго какая-нибудь причина заставила придти назадъ. Но онъ ошибся въ послѣднемъ; это былъ отецъ Аббапъ, подошедшій къ нему съ звѣрскою радостію, держа въ рукахъ лампаду. Посмотрѣвши нѣсколько минушь на блѣдное и синеватое лицо его и увидя, что онъ лежитъ безъ движенія, заключилъ,

что онъ умеръ; тогда вскричалъ онъ дикимъ голосомъ:

„Я опоздалъ и мщеніе мое несовершенно. О! за чѣмъ не былъ я свидѣтелемъ мукъ твоихъ и послѣднихъ минутъ! съ какимъ бы удовольствіемъ насладилась душа моя симъ зрѣлищемъ и какъ бы велика была моя радость! И такъ сей подлый сообщникъ, вздумавшій проповѣсться моимъ намѣреніямъ, не существуетъ болѣе. Я кончу все безъ него, и намѣренія мои совершатся. Робкій злодѣй! ты надѣялся опъ меня укрыться? Не уже ли думалъ ты, что Гондецъ не рѣшился опровергнуть орудіе своихъ преступленій, когда оно осмѣлится оказать ему неповиновеніе? Горе малодушнымъ, копорые, какъ ты, колеблются служить мнѣ и

хотятъ быть пресшудниками только въ половину!«

Онъ произнесъ еще нѣсколько проклятій, опшворозивъ онь своей жертвы, и поблорѣль съ видомъ удовольствія на пищу, лежащую въ углу. Глаза его, исполненные звѣрской радости, обратились снова на разпростертый у ногъ его трупъ; понишь вышедъ онъ медленно изъ погреба. Мало по малу свѣтъ лампы пошезъ и спукъ ногъ его умолкъ.

„Адское чудовище! вскричалъ въумкренно несчастный планикъ приподнимаясь: о есмьлюбъ Небо продолжи дни мои, умобы я могъ обрушить на твою голову справедливое наказаніе за твою злодѣяніа! Но могу ли бышь столь дерзокъ, что призывать Бога ко мщенію? продолжалъ онъ, помолчавъ довель;

ное время; какъ могу загла-
дитъ я собственныя пре-
спуленія? Но что я говорю?
Богъ правосудія не есть ли
Богъ милосердія и не свер-
зетъ ли путь раскаянія пре-
спунику, просящему Его о
помилованіи?!”

Такъ, проводилъ Джонъ
Думбаръ долгіе часы, будучи
между надеждою и отчаяні-
емъ, между тѣмъ какъ Губер-
но, послѣ безпокойнаго сна,
занялся приговорами къ
освобожденію его. Онъ поду-
малъ сперва о пріисканіи
нужныхъ орудій для разру-
шенія оковъ, лишавшихъ
плѣнника употребленія рукъ
и удерживающихъ его въ те-
мницѣ. Потомъ размысливъ,
что слабостъ воспрепят-
ствуетъ ему, можетъ быть,
выдти изъ нее черезъ про-
странныя подземелья за мо-
наштырскія стѣны, Авиньонъ

рѣшился взять съ собою обоихъ слугъ и оставить ихъ подлѣ пощаенной двери, ведущей въ поле, дабы въ случаѣ нужды найти ихъ и взять съ собою въ монастырь для перенесенія монаха на рукахъ, еслии это будетъ необходимо.

Онъ досталъ также другое платье для Джона Думбара, взялъ съ собою свѣжую и здоровую пищу и крѣпительный напитокъ для приданія ему силы, прежде нежели выведешь его изъ пещицы.

Остатокъ дня Губерто и служители его не выходили изъ хижины рыбака, чпобы не возбудить любопытства прочихъ, которые безъ всякаго намѣренія разгласили бы о пребываніи ихъ на оспровѣ и возбудилибъ подозрѣніе въ отцѣ Аббатѣ,

который приставилъ бы къ нимъ поспѣшь шпионовъ и помѣшалъ бы Авинцу въ исполненіи его предпріятія.

Въ концѣ дня Губертъ увидѣлъ изъ окна своей хижины барки рыбаковъ, разбѣгающія волны и скользящія по поверхности ихъ, освѣщаемыя лучами заходящаго солнца. Бѣлые паруса, надутые вечернимъ вѣтромъ, мчали быстро слабыя сіи суда, наклоняя ихъ немного на одну сторону. Въ то же время на берегу раздались радостные крики рыбаковъ, возвращающихся съ ловли.

Опдаленные сіи звуки, соединяясь съ глухимъ ревомъ разбивающихся о берега волнь, произвели въ душѣ Авинца пріятную меланхолію. Онъ пролеталъ воображеніемъ планшпвенныя и разнообразныя происшествія жиз-

ни своей. То представлялись его мыслям славныя, или ужасныя воспоминанія; по любовь наполняла сердце его безпокойствомъ и смященіемъ.

Между тѣмъ мрачныя сумерки покрывли неуспѣшительно обширный океанъ, и барки приспавали одна за другою къ берегу. Желая воспользоваться оспашкомъ дня, рыбаки выгружали на берегъ шоню свою, единственныи источникъ малаго достапка ихъ. Они совсѣмъ не думали, чтобы покровишель ихъ острова, храбрый защитникъ, подвора, избавишель Короля ихъ, находилея между ними, скрываясь подъ скромною крышкою одной рыбацкѣй хижины.

Наконецъ ночь разпростерла свой мракъ по горизонту. Рыбаки, удалясь въ хижины свои, предались сну,

и обширное безмолвіе ночи водворилось во всей природѣ.

Тогда Губерто подавъ знакъ слугамъ своимъ, коимъ велѣлъ находишься въ готовности. Они взяли поспѣхомъ приготовленные ими и днемъ разныя нужныя вещи, вышли потихоньку изъ хижины и последовали за Авинцомъ, коимъ обыкновенною своею дорогою достигнуть густоты лѣса и приближился быстрыми шагами къ монастырю Оронцскому.

Г Л А В А XII.

Луна, сокрывая до половины въ облакахъ, бросала мелькающею свѣтъ своей, пользуясь коимъ, Губерто увидѣлъ скоро въ отдаленіи монастырскія стѣны. За сто

шаговъ до пощаенной дѣри приказаль онъ оспановишься слугамъ своимъ и велѣль спря- таться за густыми деревьями въ ожиданіи его возвращенія. Пошомъ взяль онъ орудія для Джона Думбара, припасы и плашье, для него принесенныя, и вошелъ пошчасъ въ подземные своды.

Авинцо не забыль обы- кновенныхъ предосторожно- стей при оппираниі рѣшет- ки, вѣдущей въ галлерею. Все было погружено въ без- молвіе. Онъ пробрался безъ всякаго шума въ церковь и скрылся въ шомъ же мѣстѣ въ ожиданіи, пока опецъ Аб- бать пройдетъ подь олшарь.

Губерто положилъ ношу передь собою и сѣлъ на сту- пеньки олшаря, опершись головою на руку, размышляя объ успѣхѣ и слѣдствіяхъ своего предпріятія.

Вдругъ услышалъ онъ легкій шумъ; Авиццо обернулся и увидѣлъ съ ужасомъ монаха Святаго Колумба, выходящаго изъ-за ближняго столба и выспро къ нему приближающагося.

Онъ хотѣлъ вспашь, но незнакомецъ схватилъ уже его крѣпко за руку. Въ то же время произнесъ онъ глухимъ голосомъ и съ разстановкою слѣдующія слова:

„Не бойся.“

Незнакомецъ подвелъ Гурберта къ лампадѣ, горѣвшей передъ олтаремъ, и чинябы разсмотрѣть его удобнѣе, развернулъ полы плащя, закрывавшія совершенно лице его; потомъ сказалъ ему:

„Такъ! Это ты; я узнаю тебя. Продолжай, добрый юноша, да сопутствуешь тебѣ небесное блаженство!“

При сихъ словахъ Авинцо, схвативши незнакомца въ свою очередь, спарался остановить его и спросилъ:

— Кто ты? —

„Тише, безразсудный юноша! опвѣчай монахъ; довольно тебѣ знать, что я не врагъ твой. Но заклинаю спасеніемъ собственнѣйшей твоей жизни, не препятствуй скорѣ мнѣ удалиться, или я погибну.“

— Но естльи ты измѣнникъ? —

„Не бойся, говорю я тебѣ. Откуда такая недовѣрчивость? какихъ кляпвъ пребуешь ты?“

Авинцо вспомнилъ поспасъ приказаніе Гондеца, что нѣкто изъ монаховъ, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, не входилъ въ церковь съ захожденія солнца до ночной службы. Смѣлый

голосъ и откровенный видъ незнакомца успокоили Губерша, который пересталъ его удерживать и сказалъ ему:

— Я полагаюсь на тебя; но поклянись сохранить тайну. —

„Клянусь Богомъ,“ отвѣчалъ монахъ торжественно.

При сихъ словахъ онъ удалился и въ одну минуту исчезъ.

Воспоминаніе объ отцѣ Антоніѣ и незнакомцѣ, доставившемъ ему средства къ избавленію Короля Роберта и его товарищей, представилось Авиинцу. Но ничто не могло увѣрить его, чтобы сей почтенный старецъ былъ пошль самый человекъ, который въ претій разъ такъ таинственно съ нимъ обошелся.

Другія размышленія изгнали скоро страхъ, причи-

ненный ему съмъ внезапнымъ появленіемъ. Наконецъ въ обыкновенное время отецъ Аббашъ вошелъ въ церковь и исчезъ, какъ и прежде, за потаенною дверью главнаго олшаря.

Подождавъ нѣсколько, Губерто взялъ лампаду изъ часовни, въ коей скрывался, и подошелъ съ пощєю своею къ крылосу. Онъ опперъ фальшивую спѣну и послѣдно сошелъ въ подземелья.

Онъ шель съ осторожностію по шѣмъ же галлереймъ и переходилъ, какъ наканунѣ, и достигъ наконецъ темницы несчастнаго монаха, который, увидя Губерта, поднялъ вверхъ руки, произнесъ нѣсколько отрывистыхъ словъ, внушенныхъ ему радостію и признательностію, и упалъ на полъ безъ чувствъ. Губерто спалъ помогашъ ему.

Придавъ ему силы, съ помощію крѣпительныхъ лѣкарствъ, принесенныхъ имъ, Авинцо далъ ему нѣсколько покушать. Онъ осмопрѣлъ топчасъ его оковы и принялся разбивать ихъ съ помощію инструментовъ, и успѣлъ, по многихъ трудахъ, освободить Джона Думбара.

Думбаръ бросился къ стопамъ своего избавителя и хотѣлъ выразить свою признательность; но слабость и радость лишили его во впоросъ разъ употребленія чувствъ. Губерто удержалъ его на рукахъ своихъ и старался привести его въ чувство.

Для успокоенія его Авинцо представилъ ему слабость его положенія, долгому пути, и предстоющаго, и опасность малѣйшаго замедленія. Онъ поспѣшалъ одѣть его

въ принесенное платье и готовился вывести изъ сего горестнаго мѣста.

Джонъ Думбаръ пошелъ пошхоньку, опираясь на правую руку Губерта, который лѣвою держалъ лампаду. Съ великимъ трудомъ достигли они лѣстницы главнаго алтаря. Монахъ хопѣлъ на нее знойши колеблющимися стопами; но дрожащія колѣна его подогнулись, и, дошедши до пошатнутой двери, упалъ онъ на ступени оцъ усмалосьши и смраха.

Губерно далъ ему нѣсколько крѣпительныхъ капель, которыхъ монахъ выпилъ съ жадносцію. Онъ не могъ встать еще нѣсколько минушь на ноги, не смотря на побужденія и помощь Авинца, ободрившаго его. Между тѣмъ не лзя было терпѣть времени. Авинцо приложилъ

ухо и, не слыша никакого шума внутри церкви, открылъ панель и провел монаха до крылоса, гдѣ посадилъ его на минупу. Онъ побѣжалъ опереть рѣшетку и возвратился къ монаху, котораго опять нащель почти въ обморокъ и не въ состоянн сдѣлать ни одного шагу. Въ сей крайней опасности неутомимый юноша собралъ всѣ свои силы, поднялъ на руки несчастнаго Думбара и унесъ въ малую часовню, служившую ему обыкновеннымъ убѣжищемъ. Божіе покровительство видимо-оказалось въ семъ случаѣ, потому что черезъ минупу ужасный Гондецъ впереди монаховъ вошелъ въ церковныя двери и пошелъ прямо къ крылосу для совершенія обыкновенной службы.

Отдохнувъ въ несколько времени въ часовнѣ, для подерѣ-

плениа силъ, Джонъ Думбаръ, все опираясь на плечо своего проводника, прошелъ церковь и достигнулъ галлерей. Тогда Губерто, котораго единственна-я цѣль была достигнуть подземельевъ, не бывъ примѣченнымъ, пошацилъ скоро съ собою поварища. Достигнулъ желѣзной двери, отодвинулъ онъ засовы, взялъ монаха на руки и перенесъ на кладбище.

Утомленный Авинцо положилъ ношу свою на послѣднихъ ступеняхъ каменной лѣстницы и, послѣ многихъ стараній, привелъ Джона Думбара въ соспояніе перейши монастырскую ограду. По условленному знаку подоспѣли слуги, взяли на руки несчастнаго монаха и перенесли съ великимъ трудомъ въ хижину своего хозяина.

Одно челоуѣколюбіе побудило Губерта на сей посту-

покъ ; но онъ думалъ такъ же , что онъ спасеніи сего монаха зависѣло нѣкопорымъ образомъ избавленіе прекрасной пльницы , главной цѣли предиріятій его . Онъ приложилъ все стараніи для ускоренія выздоровленія и возстановленія силъ Джона Думбара .

Благодаря попеченіямъ Авинца , пришель онъ къ полоніи для въ состояніе принявъ приготовленную для него пищу . Между тѣмъ Авинцо чрезъ общаніе большой награды получилъ скромность своего хозяина . Слугамъ его , вѣрнымъ и надежнымъ людямъ , привязаннымъ къ нему многими благодареніями , не нужно было сей приманки для сохраненія ненарушимой тайны .

Къ вечеру здоровье монаха гораздо поправилось , а

при наступленіи ночи Джонъ думбаръ, пришедши въ сонное состояніе говоритъ, изъяснилъ св. ему избавишело желаніе вступишь съ нимъ въ разговоръ.

Англицо поспѣхъ на это согласился. Монахъ сперва изъяснялъ только воорами и молчаніемъ живѣйшую свою благодарность; наконецъ произнесъ сл. дующее :

„Я желалъ видѣть тебя, стараясь сохранить твою жизнь; ибо спрашилъ, что бы ты не предпринялъ одинъ въ сію ночь избавленія молодой незнакомки. И такъ знай, великодушный юноша, что опрометчивый сей поступокъ подвергнешь, безъ сомнѣнія, опасности твою свободу и жизнь безъ всякой пользы для несчастной, въ которой, кажется, ты принимаешь такое нѣжное уча-

стіе. И пошому будь терпѣливъ и положишь на правосудіе Всевышняго, Который конечно, по милосердію своему, ускоритъ моймъ выздоровленіемъ, пошому что я одинъ могу спасти ее.“

Монахъ остановился на минуточку, чтобы перевести духъ: онъ смотрѣлъ внимательно на Губерта и началъ опять:

„Нѣтъ, я не ошибаюсь. Ты точно тотъ бѣглець, который подъ именемъ сирѣ Эдреда Макардена искалъ за нѣсколько времени съ другими благородными рыцарями убѣжища въ монастырѣ Святаго Колумба. Сколько я тебѣ обязанъ! сколько воспоминаніе поведенія моего увеличиваетъ теперь угрызенія совѣсти! Я не знаю, кто, показавъ тебѣ шабашивенныя подземелья сего мо-

наспыря, но обязанъ знанію ихъ своею жизнію. Благословляю опкрывшаго средспва въ спасенію тебя и достойныхъ поварщей твоего оружія. Однакожь ты вѣрно не знаешь всѣхъ закоулковъ спрашнаго сего лабиринта. Ради жершвы, которую хочешь ты освободить, отпложь, заклинаю тебя, посѣщеніе монастыря Святаго Колумба, пока здоровье мое позволитъ мнѣ руководствовашъ тебя въ семь священномъ предпріятіи.“

— Развѣ никакъ не лзя успѣть въ ономъ безъ твоей помощи? спросилъ Губершо.—

„Не лзя; и естли тебя увидятъ, шо ты и ша, для коей презираешь такіа опасности, погибнете.“

— Я вѣрю тебѣ и соглашаюсь, хотя съ сожалѣніемъ, опевѣчалъ Авинцо. Но могу

ли узнать имя сей несчастной? —

„Я никогда не зналъ его,“ отвѣчалъ монахъ.

— Что такое побудило жестокаго твоего гонителя лишить тебя довѣренности и предать ужасамъ такой варварской смерти? —

„Остатокъ человеколюбія, которое оказалъ я по неблаго разумію. Но позволь мнѣ оплошать на нѣсколько дней повѣсть о подробностяхъ слишкомъ тяжкихъ. Я расскажу тебѣ также свои несчастія и просупки, потому что не хочу ничего отъ тебя скрывать. Коль скоро успокоюсь я отъ страшныхъ, испытанныхъ мною мученій, то удовлетворю потчасъ моему любопытству.“

Монахъ замолчалъ на минуту, потомъ присовокупилъ:

„Ужасный Гондсецъ имѣетъ болѣе приверженцовъ, нежели ты думаешь. И такъ напиши скорѣе къ Королю Роберту Брюсу, чтобы онъ прислалъ къ тебѣ безъ замедленія войска для овладѣнія онымъ. Онъ знаетъ, что рано или поздно громъ ударитъ надъ главою его, и одно только корыстоплюбіе, господствующая въ немъ старость, удерживало его доселѣ отъ поѣздки въ Италію. И такъ поспѣшай, Губерно, или побѣгъ его воспрепятствуетъ нашимъ усиліямъ.“

— Чегожь бояться ему? опивчалъ Авино. —

„Онъ испуганъ гнѣва оскорбленнаго имъ Короля, который, избавясь теперь отъ военныхъ дѣлъ смертію Короля Эдуарда, вздумаетъ наказать его за вѣроломство и подлую измѣну.“

Губерто оставилъ монаха, опасаясь, чтобъ продолжительный разговоръ не повредилъ его выздоровленію. Онъ спѣшилъ воспользоваться совѣтами его и опираившись одного изъ своихъ служителей къ Лорду Валперу, съ просьбою прислать безъ замедленія сильный отрядъ въ Орону, представляя себѣ дань солдатамъ, когда они прибудутъ, нужныя наставленія и приказы.

Послѣдующіе три дня и три ночи монахъ выходилъ постепенно изъ слабаго положенія, въ которое повергли его страданія. Попеченія и лѣкарства заживили скоро раны его, и онъ былъ въ состояніи встать и дышать у окна своей кибитки чистымъ и прохладнымъ утренняямъ воздухомъ.

Между тѣмъ Губерто не могъ болѣе умѣришь своего безпокойства, и Джону Думбару весьма трудно было удержатъ пылкаго юношу, чтобъ онъ не исполнилъ однихъ намѣреній, приняшаго ильшакъ давно, избавишь прекрасную незнакомку. Наконецъ на шестой день монахъ, сказавши, что онъ довольно укрѣпился, привелъ въ восхищеніе Губерта. Оба положили завпрешній день — ночью — посѣтить монастырь. И шакъ Авицо сдѣлалъ нужныя приготовленія, чтобъ идти въ сіе время съ Джономъ Думбаромъ въ монастырь С. Колумба.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

